

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

Старая тайна,
новый негодяй

Галина Владимировна Романова

Старая тайна, новый негодяй

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167402
Старая тайна, новый негодяй: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-21934-6*

Аннотация

Как бы мы ни старались, зло часто побеждает – и наносит свой удар в самый неподходящий момент... Помня эту простую истину, Сергей Аракелян, который потерял любимую жену, доходный бизнес, деньги и жилье, не пытается мстить своим врагам. Однако вскоре с удивлением обнаруживает, что те, кого он презирает и не может простить, погибают один за другим. В этих убийствах обвиняют его... Ведь мотив налицо: бывший влиятельный бизнесмен пытается уничтожить людей, отнявших у него все. От Аракеяна отворачиваются последние из тех, кто с ним общался. И только его таинственному врагу известна «вина» Сергея: он безумно красив, желанен для многих женщин и умеет страстно и преданно любить...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	61
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Галина Романова

Старая тайна, новый негодяй

Глава 1

Кто сказал, что одинокий человек – это несчастный человек?! Кто придумал, что одиночество – это навязанная обстоятельствами изоляция от полноценной, благополучной жизни?!

Нет, конечно же, одиночество одиночеству рознь, случается всякое... Я знаю одно: мое одиночество благословили небеса.

– Дашка, ты просто уродка!

Такой вывод сделали мои подружки неделю назад. Случилось это в момент обсуждения предстоящей вечеринки. И каждая подруга – а их у меня трое – сочла своим долгом выставить на обсуждение достойную кандидатуру для знакомства со мной. Разумеется, все четверо претендентов на то, чтобы скрасить мое одиночество, были мною предварительно отвергнуты. Девчонки заламывали руки и стонали на тему моей полной фригидности, эгоизма, лености, тупоумия и тому подобных вещей. Потом единогласно провозгласили:

– Ты должна хотя бы понимать, что время безжалостно. Твоя красота – понятие и сейчас-то весьма относительное... – Тут Наталья, первая из подруг, сделала красноречивую паузу, чтобы дать мне прочувствовать всю силу ее сарказма, а затем продолжила: – А что с ней будет через пару лет? Через пять, десять? Кому ты будешь нужна, скажи? Сейчас ты берешь тем, что неплохо сложена, красивые длинные ноги, грудь опять же...

Тут она опустила трогательно печальный взгляд на то место, где скудными холмиками возвышался ее бюст, и продолжила:

– Но все это проходяще, понимаешь!!! И ноги варикозными станут, и грудь обвиснет, и, вообще, воды подать будет некому! Тебе это понятно?!

– Да, – я кротно кивнула, хотя в душе была с ней не согласна.

– Что да?! Что да?! Девчонки, она из нас идиотов делает! А в душе насмехается! Как дала бы по башке! – Агрессивный выпад принадлежал второй подружке – Ирке Яковлевой. – На этом вечере будут присутствовать сразу четверо холостяков! Господи, да я бы на твоём месте голой джигу станцевала на центральной площади!

– Станцуй, – предложила я, мысленно представив, как Ирина, мать троих детей, почетный завсегдатай городской тусовки, это делает.

– Танцевать, конечно же, не стоит, – серьёзно заявил тре-

тий голос нашего вече – заслуженного учителя иностранных языков и по совместительству нашей подруги Ниночки Ми-наковой. – Но могу тебе, Дарья, на полном серьезе заявить: на сей раз тебе открутиться не удастся. Ребятам известно о твоих намерениях...

– О моих?! – Кажется, начиналось самое интересное. – И какие такие у меня намерения?!

– Да твоих, – хором ответили все трое, потом Наталья за всех продолжила:

– Все они знают о том, что тебе приспичило выйти замуж. Типа, последний шанс для одинокой перезрелой дамы и все такое...

– Ну, вы!.. – Мне просто дыхание перехватило от такой наглости. – Вы что это себе позволяете?! Кто вас просил?!

И пошло, и поехало. Я орала что есть мочи на всех троих сразу, а потом на каждую в отдельности. Наговорила кучу гадостей, заведомо зная, что все вольности в речевых оборотах сойдут мне с рук. Потом с грохотом выдвинула из-за стола стул, поставила его в центр Иркиной гостиной и воинственно произнесла:

– Теперь каждая из вас скажет, в чем я не права. И если ваши контраргументы окажутся логичными, я приму ваши условия.

Подруги мямлили, пытаясь сказать что-то весомое, потом сдались и надолго замолчали.

Спасла ситуацию, как ни странно, младшая дочь Ирины.

В ее честь, собственно, празднество и затевалось. Девочке исполнялось пять лет, и родители решили первый юбилей дочери отпраздновать на уровне, пригласив кучу гостей.

Василиска зашла в комнату с таким хитрющим видом, что мне сразу стало ясно: ребенок подслушивал. Она без лишних слов забралась ко мне на колени. Схватила за щеки и потребовала, по-детски шепелявя:

– Обессей мне, Дасска, одну вессь!

Этого ребенка я обожала. Ради нее, наверное, точно станцевала бы все, что угодно, в каком угодно виде. Все об этом знали и пользовались, как могли. И я тут же заподозрила, что Василиска состоит в сговоре с моими подругами. Малышка потребовала:

– Ты будес с ними любезной, Дасска? Они хоросие дяденьки! И Витек, и Госка, и Валерка, и Сурик. Я их люблю. И ты полюбис, вот увидис!

– Ну, против таких доводов возразить нечего. – Я обняла девочку и поцеловала в кудрявую макушку. – Для тебя, радость моя, хоть на костер.

– Я зе говорила, сто все полусится! – победно возвестила Василиска. И под перекрестными взглядами – моим испепеляющим и виноватыми подруг – удалилась из комнаты.

– Ну, ладно, – зачастила сразу Наталья, пытаясь мгновенно завладеть ситуацией, – теперь давай обсудим, что ты наденешь.

– Ну, уж нет!!! – Я все же таки заорала. – Тут у вас номер

не пройдет!!! Надену то, что сочту нужным!!! И эти штучки, Ирина, тебе выйдут боком, так и знай!!!

Я вышла из Иркиного дома с самым оскорбленным и независимым видом, который только смогла изобразить. Не за-была даже шарахнуть входной дверью как следует, дабы они окончательно прочувствовали, как я оскорблена их вероломством. На самом-то деле все было совсем не так. Я не держала на них зла, и мне было абсолютно наплевать.

И на их тщетные попытки выдать меня замуж только потому, что давно пора. Тридцать пять как-никак!

И на то, что они всякий раз подсовывали мне перспективных ботаников с учеными степенями, искренне полагая, что в них и найду мое истинное счастье.

И даже на то, что меня порой выставляли перед незнакомыми мужчинами в таком вот, мягко говоря, невыгодном свете.

Меня почему-то все это абсолютно не трогало. Я любила эту троицу, со всеми их многочисленными выводками. Любила их стремление видеть меня счастливой, пусть даже их благие намерения принимали такую гротескную форму. Пускай же будет именно так, а не иначе. Все это много лучше смазанных поцелуев «щека к щеке» на бегу и дежурных вопросов типа: «Как ты...»

Девчонки меня любили искренне и давно, как, впрочем, и я их. Да мне и любить-то особенно было больше некого.

Родители ушли друг за другом еще десять лет назад, не

оставив мне в наследство ни сестер, ни братьев. Продав их большую квартиру и машину, я начала создавать свой собственный очаг.

– Так будет лучше... – огрызалась я на подруг, которые никак не могли взять в толк, зачем мне избавляться от огромной двухуровневой квартиры в престижном районе и покупать хотя и вполне приличное жилье, но на окраине.

Очень мне не хотелось выворачивать себя наизнанку даже перед ними и объяснять, что жить в доме умерших родителей я не могла. День за днем, час за часом находиться в стенах, помнивших их живыми, трогать вещи, которых касались они... Нет, это было страшным испытанием. И я его не выдержала, переехав. Единственное, от чего я не решилась избавиться, так это от дачи. Огромный двухэтажный бревенчатый дом был так хорош, что продавать его даже я сочла кощунством.

Подруги мой поступок оценили по достоинству. Все по очереди меня расцеловали, сразу решив, что моя дача как нельзя лучше подходит для того, чтобы сбегать туда изредка от своих домашних. Так на первых порах и было. Мы затачивались пивом, продуктами и отправлялись туда раз в месяц на пару дней.

Это было благословенное время. Мы рыбачили, выуживая из старинного пруда допотопными удочками карасей. Парились в баньке, которую отец смастерил собственноручно по чертежам какого-то журнала типа «Сделай сам». Потом си-

дели на огромной веранде и пили чай из ведерного самовара, который Ирина всякий раз с удовольствием растапливала щепками. Чай пах дымом, сосной и ягодами. На шаткий стол стелили накрахмаленную скатерть, которую всегда привозила с собой Наталья. В центр ставили огромное блюдо бубликов с маком. Разбирали щербатые кружки из старинного маминого комода, упивались до одурения чаем, просиживая за полночь, и говорили, говорили, говорили без умолку... А потом – все! Все закончилось! Как только одному из трех супругов взбрела в голову идея навестить нас, так сразу наша холостяцкая идиллия и закончилась.

– Ах вы, эгоистки!!! – шумно возмущался Володя. Кажется, именно Натальин муж решил нас навестить в тот роковой день. – Столько времени скрывать от всех нас такое место!!! Нет, вам это даром не пройдет!!!

Как пообещал, так и сделал. С тех пор почти каждый выходной на мою дачу совершались паломничества семейных кланов моих дорогих подруг. Шум, гам, очереди в сортир и баню. Горы грязной посуды, вечно парящие кастрюли и чайники на плите и детский визг на садовых дорожках и берегу пруда. О каком отдыхе тут могла идти речь? Одним словом, нас с девчонками культурно потеснили. Пришлось нам передислоцироваться, пополнив ряды спортивной секции шейпинга. По моей личной просьбе – как-никак я являлась заместителем генерального директора нашего спортивного общества – нам выделили отдельное помещение и удобное время.

Ну, а при закрытых дверях мы занимались в основном тем, что валялись на матах и болтали обо всех и обо всем. Потом, как порядочно отпотевшие тренировочное время, мы шли в бассейн, затем в душ и под занавес в бар. С вылазками на дачу это, конечно же, не сравнишь. Но все же альтернатива...

Субботний день, на который выпал день рождения Василиски, выдался великолепным. Небо плотно завесила облачность, обещавшая приятную прохладу без осадков. Ветра совершенно не было, а воздух лишен того неприятного ощущения духоты, которую порой ощущаешь в солнечный день.

– Твоя любимая погода, – возвестила чуть свет Иринка, которая сочла своим долгом разбудить меня телефонным звонком.

– Вижу. – Я как раз стояла на лоджии, своими размерами больше напоминавшую комнату, и отчаянно зевала в сторону простирающегося в десяти метрах от моего дома соснового бора. – И что? Кстати, поздравляю тебя с днем рождения дочери.

– Кстати, спасибо. – Я просто видела сейчас, как Иринка иронично поджимает губы и посылает мне через расстояние укоризненный кивок головой. – А то! Помнишь, о чем мы говорили в последний раз? И не вздумай включать дурочку!

– Да помню, – успокоила я ее. Оглянувшись, нашла взглядом одно из кресел и уселась в него, подобрав ноги. – Их четверо. Виктор, Валера, Игорь и Александр. Я правильно всех назвала?

– Угу. – Кажется, моя хорошая память удостоилась благо-
склонного кивка подруги.

– Виктор – психолог. Валера...

Черт, я, кажется, забыла, кем был этот самый Валера. Вспомнить нужно было срочно, иначе Иринка обязательно обидится. А ее огорчить нельзя, у нее сегодня праздник.

– Ир, ну помоги! – взмолилась я, так и не вспомнив. – Вы их каждый праздник для меня клонируете, не могу же я помнить все анкетные данные!

– Валера тоже психолог. Он работает в одной фирме помощником по связям с общественностью, – назидательным тоном разъяснила Яковлева. – Игорь – крупный бизнесмен.

– Насколько крупный?

Совершенно невинный вопрос. И чего она сразу вызверилась?

– Слушай меня и не перебивай идиотскими вопросами! – закончила она гневную тираду минут пять спустя. – Настолько крупный, что летает за границу десять дней в неделю, машин имеет без счета, несколько особняков и прочее, прочее.

– Тогда он либо урод, либо импотент, Ирина. Можешь даже не кричать на меня, но людям с такой загруженностью не до создания семейного очага. Ладно, посмотрим. Кто там следующий?

У меня, если честно, оставалась последняя надежда на этого Александра. Он-то хоть мог быть приличным человеком? Без всяких связей с общественностью и особняков в

разных географических точках. К сожалению, не мог. Александр оказался очередным безнадежным ботаником. То есть старшим научным сотрудником в каком-то замороченном институте.

– Чем конкретно он хоть занимается? Проблемы СПИДа, гепатита или что-нибудь космическое?

Я, как могла, сдерживала огорчение, говорила бодро и с выражением. Но Ирку разве проймешь! Она тут же вспылила, обозвала меня уродкой. И, напроорочив напоследок мне в мужа алкаша и дегенерата, бросила трубку.

Вот и поговорили, называется! А чего, собственно, психовать? Знаю я этих старших научных сотрудников. Глазом не успеешь моргнуть, препарируют, как мышь подопытную. А мне еще жить и жить, всего-то ничего: тридцать пять через месяц...

Аккуратно пристроив трубку на столе прямо там на лоджии, я встала, облокотилась о перила и, чуть свесившись, оглядела наш двор. Все как всегда. Площадка перед подъездами, а их всего-то два, чисто выметена. На стоянке все двенадцать машин – моя в том числе, – у остальных жильцов гаражи поблизости. Газон и кусты шиповника добросовестно политы дворником Михаилом, глядя на которого я всегда вспоминаю тургеневского Герасима. Сразу за кустарником через проезжую часть начинается лес, который радует глаз в любое время года. А подруги еще недоумевали на предмет выбора мною района. Нет, здесь хорошо. И чистенько, и ды-

шится легко. Опять же, соседи хорошие. Марина с третьего этажа, что живет в моем подъезде, уже с утра наладилась за грибами. Значит, вечером будет сидеть на скамеечке и уговаривать всех по очереди попробовать ее грибочков, которые она к тому времени успеет перебрать и сварить. Я лично никогда не пробовала, отшучиваясь, что пожить хочу. Она не обижалась, заливисто хохоча и выкрикивая:

– Да ну тебя, Дашка! Чудная ты!

Может, и чудная, кто же спорит! Только мне хорошо среди них: таких простых и незатейливых в своем желании сделать кому-то приятное. Таких, у которых всегда можно стрелкнуть полбуханки черного хлеба или пару ложек соли, если забыла купить по дороге. И таких, что в штыки встретят любого чужака, что с пристрастием интересуется кем-то из жильцов дома. Им самим знать все положено, а вот другим – увольте...

Марина задрала кверху голову, увидела меня, заулыбалась и приветливо махнула рукой.

– Хорошего дня тебе, Дарья! – громко крикнула она и поспешила к лесу, на ходу размахивая плетеной корзинкой.

– Спасибо, Мариночка, – тихо прошептала я ей в ответ, едва не прослезившись.

Приятно начинать день с общения с хорошими людьми. Пусть Иринка на меня и накричала, но это опять-таки из любви ко мне. А это ли не приятно?..

Я пошла к себе в спальню, открыла шкаф и долго мучи-

лась в выборе туалета к сегодняшнему мероприятию. Лично мне хотелось надеть белый хлопчатобумажный костюм: тонкие широченные штаны и такая же туника. Но костюм был отложен в сторону. Подругам не понравится Во-первых, мнется ужасно, во-вторых, больше похож на саван, нежели на праздничный наряд, а в-третьих, абрис моей безупречной фигуры не будет угадываться так, как того хотят девчонки.

Копалась я долго, благо копать было в чем. Примеряла, откладывала в сторону, снова примеряла. Юбку решила не надевать. Мероприятие планировали провести на открытом воздухе. И согласитесь, семенить по зеленым лужайкам в узкой юбке на высоких каблуках – то еще удовольствие. Поэтому, промучившись почти полтора часа в метаниях и примерках, я остановилась на тонких брюках-капри цвета слоновой кости и ярком легком пиджаке. Иринка придраться не могла, она сама мне его подарила, решив, что абстрактный рисунок ткани с доминирующим кофейным оттенком как нельзя лучше подходит к цвету моих глаз. На ноги я надела босоножки без каблука с изящно переплетающимися на икрах кожаными шнурками.

К двенадцати дня я была уже в полной боевой готовности. Макияж по минимуму. Волосы заплетены во французскую косу. Несколько легких побрякушек на запястьях и шее, поскольку глубокий вырез пиджачка и слишком короткий рукав к тому обязывали. Подарок в зубы и бегом к лифту. Через мгновение я уже выпорхнула из подъезда и приветство-

вала милой улыбкой подруг с мужьями, которые решили во избежание лишних казусов за мной заехать.

– Прекрасно выглядишь. – Володя, встретивший меня у подъезда, поцеловал в щеку и повел к своей машине, где я подверглась излишне критическому осмотру Натальи. – Ты в курсе намечающихся смотрин?

– А то! Два психолога, один бизнесмен и один старший научный сотрудник. Та еще компания. На ком советуешь остановиться? – Послав воздушный поцелуй семейству Минаковых, чья «десятка» возглавляла кортеж, я подошла к «Ауди» Волковых и открыла заднюю дверцу.

Но загрузиться я не успела, потому что Володя сказал нечто такое, что мгновенно меня насторожило.

– То есть?

– Вот тебе и то есть! – передразнил меня Володя, не торопясь садиться на свое место за рулем. – Я только вчера узнал об этих голубках. Об их долбаной связи с общественностью ничего не могу сказать, но что друг с другом тесно связаны, это однозначно. Ну и как мог поспешил исправить ситуацию.

– То есть? – вторично пробормотала я.

– Ну... Пригласил одного своего знакомого. Наталья теперь на меня дуется. Говорит, что ты обязательно клюнешь на этого неудачника.

Внутри у меня тут же все напряглось и зануло. Так бывало не раз перед стартовым прыжком в преисподнюю, которую мои подруги именовали безнадежной любовной лихорадкой.

Дело в том, что этим недугом я время от времени страдала, и, как правило, не без осложнений. Но опять-таки не это было главное, а то, что правильных выводов из перенесенных потрясений я для себя не делала, а продолжала методично наступать на одни и те же грабли...

– Я уж не знал, как ее убедить, – продолжал Володя, не заметив, что я на какое-то время отвлеклась, улавливая интуитивные импульсы, предупреждающие меня об опасности. – Ругалась, ногами топала, требовала, чтобы я отменил свое приглашение и позвонил ему.

– А ты? – я прочувствовала наконец все, что нужно, смирилась с судьбой и теперь ждала окончания его истории.

– А что я? Враг себе? Начал звонить ему и домой и на мобильный, а он недоступен. Что теперь, Дашка, нам делать-то? Явится он, и что? Не гнать же!

– Разумеется, – я сладко улыбнулась Волкову, злорадно представив общее неудовольствие. Ничего, переживут. Будут знать в следующий раз, как геев мне в мужа прочить. – Кто он?

Сам Волков был хозяином охранной фирмы, специализирующейся на инкассаторских перевозках. По образованию учитель физкультуры, он какое-то время работал в школе. Потом, после курсов, подался милицию, но быстро ушел оттуда, сказав, что даже его черная душа не выдерживает такой бодяги. А потом вдруг решил основать свою охранную контору. Наталья ругалась, проклинала его, грозила, что уй-

дет. Но дело у Володишки выгорело, и она быстро смирилась. А со временем и сама ушла к нему, взяв под контроль его бухгалтерию.

То, что кандидатура Володиного знакомого не устраивала его супругу, говорило о многом. Неудачник мог оказаться либо учителем, либо милиционером, либо еще бог знает кем. В любом случае тем, кто никак не проходил как кандидат на мою руку и сердце.

– Он? – Волков вдруг замялся. – Понимаешь... Дело в том, что он никто.

– ??? – Мое молчание было красноречивее всяких слов. Такой расклад даже мне казался перебором.

– Вернее, раньше он был кем-то. И занимался приличным довольно-таки бизнесом, связанным с компьютерной техникой. И его даже выдвигали на выборах в какое-то там собрание, не помню. А потом вдруг бац! И все! И пустота кругом. Жена погибла, бизнес растащили по кускам, друзья отвернулись. Он так стремительно начал падать вниз, что только в ушах свистело. Мне огромных трудов стоило его за шиворот ухватить. Сейчас он почти в норме, но...

– Володя, а твой-то какой интерес в его судьбе? – я вдруг что-то заподозрила; что-то такое таилось и в упорном нежелании Натальи принимать его, и в Володиных мятущихся глазах. – Чем ты так ему обязан? Он что же, тебя от смерти спас?

Волков запнулся, словно налетел на невидимую стену.

Мотнул головой, поражаясь моей проницательности, и затем быстро проговорил:

– Я виноват в его падении, Дашка, понимаешь! Ведь когда я упрятал его в тюрьму по подозрению в убийстве жены, все и началось. Бизнес растащили, дом пошел с молотка, а жена, оказывается... Короче, настоящий убийца был найден и благополучно заключен под стражу. Но случилось все это много позже. Уже когда все случилось. Теперь ты понимаешь меня?

– Тебя да! Ну а я-то тут при чем? – Минаковы, удрученные задержкой, принялись отчаянно сигналить. Тут еще Наталья потянулась за сигаретами, а Володя терпеть не мог, когда в машине курили, а значит, еще одного скандала не избежать. Поэтому мне пришлось свернуть разговор до лучших времен и сесть-таки в машину, скомандовав: – Поехали. На месте разберемся.

Глава 2

Место, где построили свой дом Яковлевы, мне принципиально не нравилось. Я называла его поселком снобов от сохи, потому что основную часть населения здесь составляли так называемые «новые». Они, конечно же, давно сняли с себя цепи и красные пиджаки, но от распальцовки избавиться так никто из них и не сумел. Ее было видно повсюду. И в высоченных заборах с рядами «егозы» по периметру. И в помпезных многоэтажных коттеджах. И в шикарных бассейнах с ночной подсветкой. Тьфу, тьфу и еще раз тьфу! Меня от этого всего так просто мутило. «Новые» вкладывали огромные средства в строительство и благоустройство, забывая при этом вкладывать хоть что-то в свои мозги и души. Такого я никогда не понимала и не пойму. Хотя, кто знает, может, когда-нибудь дойдет и до меня. Мне всего-то ничего: тридцать пять через месяц...

Яковлевы к «новым» не относились, но вот жить почему-то захотели именно здесь. Мы миновали открытые ворота, проехали вдоль всей территории и остановились на самых задворках. Там Иринкин Славик спроектировал автостоянку. За разговорами с Волковым мы припозднились, машин уже было много, и мы еле-еле сумели найти место для двух автомобилей.

– Так! Дашка, подойди! – скомандовали подруги. Не успев

выбраться из машин, они сразу принялись о чем-то шутиться.

Я неспешно двинулась в их сторону, на ходу прикидывая, какая из машин может принадлежать Володькиному неудачнику. Добраться сюда каким-либо другим видом транспорта невозможно. Таксисты драли бешеные деньги. Пешком от города полдня пути. Может, потому и телефон его домашний не отвечал, что парень находился в пути? Во всяком случае, все припаркованные машины никак не тянули на хозяина, стремительно падающего в пропасть...

Знай девчонки, о ком и чем я думаю, зубами бы заскрипели от досады. А как им объяснишь, что мне интересно? Вот заводила меня интрига, хоть убей, заводила.

– Уже вижу! – прошипела мне прямо в лицо Наталья и больно дернула за руку. – Даже и не думай!

– Ты о чем? – я невинно улыбнулась, сделав знак Володьке, чтобы он вытащил и мой подарок из багажника.

– О том! Заинтриговал, гувернант несчастный! – Это было самое страшное оскорбление в устах Натальи в адрес ее мужа. – Дашка, я тебя заклинаю: даже и не думай! Пусть мы с этими психологами маху дали, но есть еще бизнесмен и этот, как его там?

– Александр, – смиренно подсказала я. – Старший научный сотрудник.

– Именно! – вступила солидная Ниночка и материнским жестом поправила воротничок моего пиджака. – Чем плох

старший научный сотрудник?

– Пока не знаю, – хохотнула я и тут же получила шлепок ниже поясицы от подоспевшей Ирки.

– Он такой душка, что не было бы Славки, сама бы при ударила. – Таким вот образом она пыталась меня воодушевить. Тут же осмотрела меня критически и довольно улыбнулась. – Выглядишь просто блеск. Все в меру... Потрясающе! Можешь ведь, когда захочешь... Ну, идемте, девочки, буду представлять вас гостям.

Процедура знакомства оказалась удручающе изматывающей. Приходилось без счета жать руку, выдавливать из себя улыбки и приветливо кивать направо и налево. Единственно приятным стал момент вручения подарков. Но Василиска успела устать от длительных приготовлений к торжеству. Сам праздник ее мало интересовал, и она быстро удрала от нас с ровесниками.

Толпа народа – общей численностью человек под пятьдесят – гомонила, шастала по лужайкам, то и дело прикладывалась к тарелкам и рюмкам. Потом народ загудел, требуя музыку. Всем было весело. Всем, кроме меня. Мне просто скулы сводило от желания позевать. Бокал вина сделал свое дело. Подруги обо мне благополучно забыли и, изрядно выпив, отплясывали теперь на танцевальной площадке со своими завеселевшими мужьями. Мне танцевать принципиально было не с кем, потому что все мои подозрения о несостоятельности претендентов полностью оправдались.

Специалисты по связям с общественностью были заняты друг другом, забыв обо мне сразу же после того, как им меня представили. Бизнесмен в принципе мужик неплохой, но излишне загруженный, то и дело хватался за телефоны, а они звонили у него беспрестанно в каждом кармане. Старший научный сотрудник, зовущийся Александром, с виду вроде даже и ничего, уже через десять минут нагнал на меня такую тоску, что я еле сдержалась, дабы не послать его к его лягушкам. Он быстро понял, что проблема земноводных меня не занимает, и куда-то растворился.

Пару медленных танцев я все же станцевала. С кем, даже затрудняюсь сказать. Что-то говорила, чему-то улыбалась, но настроение пропало окончательно. И спустя какое-то время ушла гулять по саду. Гуляла достаточно долго, задержавшись с детьми, которые тут же вовлекли меня в свои игры. Когда вернулась, то половина гостей уже откланялась.

– Дашка, – громко закричал мне Володька Волков, сидя за столом в обществе Минаковых. – Иди сюда, выпьем. Ходишь, блин, как чужая, здесь. Э-эх, если бы не Наталья... Такую красоту день за днем рядом лицезреть и оставаться беспристрастным!

Начинались обычные дела. Сейчас жены начнут шлепать своим подпившим мужьям по макушкам, а те, упражняясь в красноречии, осыпать меня комплиментами. Чтобы, значит, я своей ущербности не ощущала так остро. Давно привыкнув, я относилась ко всему с пониманием и легкой долей

иронии. Чего не простишь близким людям!

– Иди сюда, говорю! – Володька слегка ударил по спинке стула рядом с собой. – Сейчас все разъедутся, а мы продолжим. Все равно ночевать оставаться. Мы же за рулем, да, Валер?

Валера кивнул, соглашаясь.

Я уселась между ними. Напротив пристроились подруги. Слева от Валеры Славик. И пошло, и поехало...

Тосты без счета, общий гвалт, звон хрусталя, хохмы в такой концентрации, что от смеха сводило животы. Иринка со Славиком время от времени срывались с места, чтобы проводить очередную пару и отправить детей спать. Мы же сидели на своих местах прочно и, казалось, навсегда. Но тут меня вдруг побеспокоили.

Было это уже в начале одиннадцатого ночи. Кто-то тронул меня за локоть и, не дав опомниться, увлек в сторону сада.

– Даша! Я должен с вами поговорить! – шумно задышал мне в лицо винными парами научный сотрудник. Александр зачем-то сократил между нами расстояние на шаг, встав ко мне почти вплотную, и снова повторил: – Даша...

– Что такое? – интонацией Татьяны Васильевой из незабвенной «Дуэньи» пробормотала я, стараясь казаться возмущенной, хотя на самом деле меня душил смех. – Что это такое? А вот этого не надо! Я этого не люблю!

Саша «Дуэнью» не смотрел, потому отпрянул и принялся извиняться и что-то говорить о моей красоте и своих серьез-

ных намерениях. Будь я чуть трезвее, я непременно обратила бы все происходящее в шутку. Тепло попрощалась бы с бедным парнем и вернулась бы к друзьям. Нет же! Мне надо было непременно начать что-то мямлить и о своих зародившихся симпатиях, понизив голос до интимного шепота. Дотошно выспрашивать о глубине его серьезности и даже — о боги! — позволить ему взять себя за руку и увлечь в спасительную темень сада.

То ли вино тому было виной, то ли разочарование оттого, что Володькин неудачник так и не явился. А может, подсознательное неудовольствие тем, что домой придется возвращаться в полном одиночестве. Кто знает, что явилось истинной причиной того, что меня понесло.

Я совсем пропустила тот момент, как Саша притиснул меня к корявому стволу молодой яблони. Почти не ощутила того, как с десятков сучков больно впились мне меж лопаток. Стояла слушала его почти бессвязный восторженный лепет и с отстраненным изумлением наблюдала за тем, как он, судорожно дергая пуговицы, пытается расстегнуть на мне пиджак. Полы пиджака распахнулись, снова раздался его экзальтированный клекот, кажется, что-то из латыни. И тут же его бессовестные пальцы полезли мне в лифчик. Пора было взять ситуацию под контроль, но, странное дело, я не торопилась. Опустив руки вдоль тела, я стояла, притиснутая к корявому дереву, и все с тем же пассивным равнодушием ждала, что же будет дальше. А дальше случилось ужасное. Мне

даже не сразу удалось понять, что произошло. Наверное, я все же была пьяна, поскольку несколько томительно долгих минут смотрела на незнакомого мне мужчину, что вынырнул откуда-то из темноты. Весь ужас еще заключался в том, что при этом я даже не попыталась прикрыться. Александр, каким бы занудой ни казался, свое дело знал, освободив меня по пояс от одежды как-то уж очень сноровисто. Пиджак повесил слева, чуть выше моей головы, на яблоневого сук. Туда же пристроил и лифчик. Скажите, какой аккуратист!

– Добрый вечер, – пробормотал незнакомец. – Кажется, я не вовремя.

Александр слабо охнул, тут же, по-моему, громко икнул и, наскоро извинившись, растворился в темноте сада. Вот так-то...

Незнакомец продолжал стоять в паре метров от того места, где застыла немой изваянием я, и внимательно изучал то, что мною благоразумно прикрывалось одеждой. И ведь надо было этому замороженному научному сотруднику выбрать именно такое место, куда попадал свет от прожектора, установленного на фонарном столбе. Хотя, видимо, сделал он это умышленно.

– Вам следует одеться, – пробормотал мужчина.

Подожел ближе. Снял с ветки мою одежду и, игнорируя мой слабый протест, натянул на меня пиджак. Лифчик он долго комкал в руке, не зная, что с ним делать, потом для чего-то сунул себе в карман брюк.

– Вы фетишист? – на всякий случай решила я уточнить и глупо хихикнула.

Конечно, пьяная была, какая же еще. Мало мне нарисоваться в полуобнаженном виде сразу перед двумя мужиками, так надо еще поострить, да при этом постараться сделать это как можно оскорбительнее.

– Нет, – ответил незнакомец совершенно ровным спокойным голосом. – А почему вы спросили?

– А вы это... мое белье себе в карман положили.

Мне очень хотелось рассмотреть его лицо. Отойти чуть в сторону и повернуться так, чтобы злополучный световой сегмент высветил не только мое бесстыдство, но также помог разглядеть мужчину как следует. Но незнакомец был мудр и все время держался спиной к свету.

– Так мы идем?

– Да, да, идемте.

Куда идем? С кем идем? Зачем?..

Нормальные в принципе вопросы, коими мне следовало задаться, двигаясь след в след за незнакомцем. Я не поспешила этого сделать, потому как ответы мне были более или менее ясны.

Мужчина скорее всего и был тем самым несчастным Володькиным другом, которого тот когда-то упрятал за решетку, но потом почему-то выпустил. То ли за отсутствием состава преступления, то ли за отсутствием улик, то ли еще по какой другой причине. Мое захмелевшее сознание не поспе-

шило на помощь и в этом вопросе.

Володькин друг, если, конечно, это был он, оказался достаточно высоким мужчиной, с мощным разворотом плеч и шикарной шевелюрой. Это, собственно, все, что мне удалось рассмотреть, исследуя его со спины. Ах да, совсем забыла, он еще обладал бесподобно сексуальным голосом! Сексуальным до неприличия! Произнеся фразу: «Вам следует одеться», он чуть было не пробудил во мне прямо противоположное желание, притом ничего характерного не предпринимая. Не напрасно Наталья нервничала, ох не напрасно, препятствуя нашему знакомству. Хотя, может быть, и зря. Вряд ли этому джентльмену захочется иметь со мной дело после всего того, чему он стал свидетелем. И зачем только я поплелась за этим неудачником Сашей?!

– Это ваш друг?

Вопрос прозвучал слишком неожиданно, чтобы я смогла на него ответить не замешкавшись. Он мое замешательство понял по-своему и догадливо кивнул головой. При этом даже не сделал попытки чуть приостановиться, оглянуться и дать мне возможность хоть как-то реабилитироваться в его глазах. Все так же неторопливо шел в направлении на всю округу гудящего застолья.

– Это не мой друг, разумеется! – с непонятной злобой буркнула я ему в спину и ускорила шаг, норовя обогнать его.

– Странно... – пробормотал мужчина задумчиво, когда мне удалось с ним поравняться.

– Что странно?! – с не меньшим напором поинтересовалась я и скосила взгляд, пытаюсь рассмотреть его лицо.

– Все странно, – ответил он с явной долей сарказма и остановился, потому что мне удалось наконец забежать вперед и встать прямо у него на пути. – Странно то, что этот мужчина не является вам другом. Учитывая обстоятельства...

– Какие обстоятельства?! – почти простонала я, потому что то, что мне удалось рассмотреть, не могло не привести меня в отчаяние.

Мужчина был потрясающе хорош собой! Не в общепринятом представлении, конечно, а в моем. Моем нестандартном, лишенном всяческой иллюзорности представлении. По той самой причине мне и приходилось всякий раз выдерживать наскоки подруг, которые взглядов моих никак не разделяли. Не дано им было понять, что могло мне нравиться в заросших щетиной дерзких подбородках, скупых на улыбки губах и настороженно взирающих глазах. Цвет глаз принципиального значения не имел. Главным для меня было то, как они смотрели на меня, окружающих и на жизнь в целом. Этого парня, судя по взгляду, судьба не баловала.

– Он... – губы незнакомца тронула насмешливая улыбка. – Он раздевал вас. А вы при этом...

– Что я? – нетерпеливо воскликнула я, потому что он внезапно умолк.

– Вы безропотно позволяли ему это делать.

– А может быть, мне было интересно! Или, может быть,

совершенно безразлично то, что он делает и... – Мне вдруг сделалось так стыдно перед ним, все понимающим и видящим это по-своему, что слова, готовые вот-вот сорваться с губ, так и не были произнесены.

Мне расхотелось ему что-либо доказывать. Не факт, что дело того стоило, и не факт, что все это его интересовало. Поэтому я сочла нужным отвернуться и угрюмо пробормотать:

– И вообще, это не ваше дело.

Паузы, которой я так опасалась при нашем появлении, не возникло. Из всех приглашенных остались лишь подруги с мужьями, а им, судя по разгоряченным лицам, было сейчас не до меня и моего спутника. Пользуясь всеобщим оживлением, я быстро ушла в дом, где надолго заперлась в ванной.

Первым делом я скинула с себя пиджак и быстро вымыла все то, чего касались руки Александра. Потом протерла запотевшее зеркало, висевшее над раковиной, и приступила к детальному изучению собственной физиономии. Я морщила лоб, надувала щеки, растягивала губы в улыбке, хмурила брови, меняла гримасу за гримасой, пытаюсь отыскать в своей заурядной внешности хоть какой-то признак значительности. Но нет, у меня ничего не выходило. Фейс-контроль на предмет совместимости с новоявленным знакомым я не прошла. Не было во мне ничего такого, что могло бы его заинтересовать. Если только, конечно, его не привлекают распушенные женщины, в коей роли мне случилось перед ним

предстать.

Я замерла, прислушиваясь к шуму за дверью. Только что там было тихо, а сейчас...

Сейчас там определенно кто-то разговаривал, причем на повышенных тонах. Один голос показался мне знакомым. Да, без сомнения, он принадлежал тому парню, что услужливо втискивал мои руки в рукава пиджака несколькими минутами раньше. Второй... Второй, по логике вещей, должен быть Володькиным, но, разрази меня гром, это не его голос. Тогда чей? С кем еще из нашей компании, кроме Волкова, разумеется, мог быть знаком привлечший мое внимание незнакомец?

Прильнув ухом к двери, я постаралась уловить нить разговора и определить, кто же все-таки через слово гневно восклицает: «Да пошел ты!», но у меня ничего не вышло. Либо голос был искажен до неузнаваемости количеством выпитого, либо мешала дверная перегородка, либо по ту сторону стоял незнакомый мне человек. Абсурд, если учесть, что все посторонние к этому часу уже успели разъехаться. К тому же уединяться в укромном месте чужого дома человек вряд ли бы стал. Место-то действительно укромное: к ванной комнате вел длинный узкий коридор с глухими стенами. А дверь напротив почти всегда запиралась на ключ, потому что Ирина хранила там всякую рухлядь типа глобуса с отломанной ножкой, искалеченной пары детских лыж и настольной лампы с треснувшим плафоном.

Вопрос: какого черта секретничать там, где тебя запросто могут обнаружить? Куда разумнее воспользоваться благодатной теменью сада. Мои мысли лихорадочно завертелись, перебирая варианты ответов. Меня устроил лишь один, который не мог не порадовать. Володькин друг последовал за мной, дошел до двери в ванную, где его и догнал мужчина с непомерными амбициями и незнакомым голосом.

Медлить незачем. Отпрянув от двери, я сдернула с крючка пиджак. В мгновение ока застегнулась на все пуговицы, пригладила перед зеркалом волосы и, не забыв напоследок приложить ухо к двери, решительно гроыхнула защелкой замка.

Мне не к чему было размышлять над последней фразой невидимых собеседников, в любое другое время озадачившей бы меня невероятно. Совершенно несерьезным я сочла и тот факт, что финал разговора прозвучал на угрожающей ноте. Все это сейчас не имело для меня значения. Важным казалось то, что друг Волкова стоял в настоящий момент напротив и весьма настороженно смотрел на меня.

– Привет, – брякнула я невпопад и широко улыбнулась. – Вы сюда?

Посторонившись ровно настолько, чтобы он смог протиснуться мимо меня в ванную, я с немим вопросом подняла на него глаза.

– Нет. Я шел за вами, Даша. Меня Волков послал. Все озадачены вашим отсутствием. К тому же... – Тут он сунул руку

в оттопыренный карман брюк, извлек оттуда мой лифчик и, вложив мне его в руки, пробормотал смущенно: – Наверно, вам нужно это надеть.

Скороговоркой выпалив слова признательности, я снова заперлась в ванной, моля бога лишь об одном. Чтобы этот угрюмый на вид мужчина не ушел до того момента, пока я возвращаю утраченные детали своего туалета на прежнее место.

Он не ушел. Стоял, снова повернувшись ко мне спиной, и что-то сосредоточенно рассматривал у себя под ногами. Звук захлопнувшейся двери отвлек его от созерцания Иркинского паркета. Он слабо вздрогнул и излишне резко повернулся.

– Все в порядке? – Его взгляд дежурно прошелся по мне снизу доверху.

– Да, все хорошо.

Снова широко улыбнувшись, я замолчала. Мне совершенно не хотелось брать инициативу в свои руки и насильно вытаскивать из этого парня слова, лавируя в навязанном диалоге. Молчание подчас много красноречивее пустых фраз, продиктованных вынужденной вежливостью.

– А я тебя помню, – вдруг сказал он, отмолчав непозволительно долгое время и так неожиданно перейдя на «ты».

– Да?!

Меня удивила не столько сама фраза, сколько внезапная перемена, произошедшая в выражении его лица. Что-то

дрогнуло и поплыло. Губы перестали казаться тонко очерченной линией, приобретя выразительный контур. Глаза, лишенные привычной колкости взгляда, вдруг оказались удивительно мягкого медового оттенка.

– Мы учились с тобой в одной школе, – пояснил он с каким-то подобием улыбки.

– Да? И... как нас зовут? – Парня с такой внешностью я бы никогда не забыла, если, конечно, разница в возрасте между нами не была запредельной.

– Сергей, – запоздало представился мне новоявленный знакомый. – Аракелян Сергей. Я года на четыре старше тебя. Но все равно помню тебя.

Утверждение было более чем сомнительным, но тем не менее приятным, поэтому пришлось поверить на слово. Я, к примеру, не вынесла из безоблачного школьного детства никаких воспоминаний о парне с такой колоритной внешностью по имени Сергей, да еще и Аракелян. Ну, а он, может, и запомнил меня. Только вот в связи с чем?..

– Однажды тебя выгнали с урока, – его глаза, в которых теперь не было и тени прежней настороженности, ласково призывали меня пробудить в памяти забытый момент. – Ты сидела на подоконнике. Была зима, и из окна сильно сквозило, но ты упорно продолжала сидеть. Я подошел к тебе и спросил, как дела. Ты ответила, что нормально, а губы синие и дрожат. И глаза такие... как у щенка. Мне тогда тебя так жаль стало, и я предложил тебе...

– Смотраться в кино.

Конечно, я вспомнила. Не его, нет. Я вспомнила тот злощастный день, когда меня в первый и последний раз за мою жизнь выгнали с урока. Выгнали из-за подлой подставы соседа по парте, которому я принципиально не дала списать физику. И я и впрямь уселась тогда на подоконник и промерзла до костей. Но упорно не уходила, пытаюсь доказать всем им, что... Точно не помню уже, что подобным фортелем пыталась доказать, и главное – кому. Да, кто-то подходил и приглашал в кино. Но вот кто? Ни лица, ни того, был ли то парень или девушка, ничего не помню. Мысли кипели из-за поправленного чувства справедливости. А оно у меня в то далекое время было чрезмерно обостренным.

– Ты тоже вспомнила? – обрадовался Сергей непонятно чему. – Видишь, как мир тесен!

– Да уж, не без того, – философски закончила я, вспомнив, в какой именно момент судьбой было уготовано столкнуть нас лицом к лицу. – Слушай, а ты с кем тут сейчас разговаривал? Ну, когда я была в ванной?

– Я?! – Сергей искренне удивился. – Я лично ни с кем. Шел за тобой. Не успел постучаться, ты дверь открыла.

– И все?

– Все!

– И тебе никто не встретился по пути?

– Да ну ладно тебе сочинять, Дарья! Кому тут встретиться, если все, кто остался, сидят за столом и ждут нашего с

тобой выхода. А дети, если я правильно понял, спят давно. — Аракелян осмелел настолько, что приобнял меня за плечи и увлек за собой к ступенькам.

Наверное, он решил, что общее воспоминание дает ему право обнимать меня так запросто и еще к тому же считать полной душой. Но я-то знала, что со мной все в полном порядке. В тот момент, когда я была в ванной, за ее дверью оживленно беседовали двое мужчин. Мало того, что разговаривали, они ссорились. И голос одного из них принадлежал бесподобному Сергею, тот который Аракелян.

Врет? Врет! Зачем? Выгораживает своего собеседника? Наверное... А может быть, этот человек не был собеседником, а на самом деле он сообщник Аракеляна?! Ох, господи! Я едва не осела прямо на пол от одолевавших меня мыслей. А что, если эти двое задумали ограбить богатый дом Яковлевых, пока те веселятся?

— Ты чего это?

От Сергея не укрылось то, как я подобралась, словно для прыжка. Он остановился, развернул меня к себе и очень внимательно посмотрел куда-то чуть выше переносицы. Глаза его при этом самым странным образом трансформировались в два огромных омута с плескающимся расплавленным золотом, которые манили и тянули на самое дно. Стоит ли говорить, что этот прискорбный факт придушил мою бдительность в самом зародыше?! Все, чего мне сейчас хотелось, это стоять рядом с ним и тонуть, тонуть в янтарной пучине, а не

задаваться ненужными вопросами.

– Нам нужно идти.

Странно, как я вообще услышала его почти безмолвный шепот. Наверное, я скорее угадала, нежели услышала, потому что неотрывно пялилась на его рот в мучительном ожидании поцелуя.

Аракелян моих ожиданий не оправдал. То ли не понял, чего хочет женщина. То ли просто не захотел. Но он ловко поддел меня под руку и увлек к выходу из дома. Запоздалых угрызений совести у меня не обнаружилось, поскольку идти с ним бок о бок было более чем приятно. Правда, выползла на свет божий покаянная мысль о том, что неприлично как бы за один вечер обаять сразу двух партнеров. Но потом она благоразумно растворилась под натиском тяжеловесных доводов о том, что ничего непристойного в моем поведении вовсе нет. Во-первых, Александр сам ретировался, бросив меня почти голышом под яблоней. Во-вторых, ничего предосудительного мы с Сергеем пока не сотворили. Ну, а в-третьих, чего мне стыдиться-то? В моем-то возрасте: тридцать пять как-никак через месяц!

– Чего-то вы долго там!

Наталья скосила в нашу сторону подозрительный взгляд, но от дальнейших расспросов воздержалась. То ли сочла это неприличным в присутствии такого количества людей, то ли ей понравилось то, как Сергей меня усаживал за стол. Мне, кстати, тоже понравилось. Незаметно отодвинуть стул, по-

мочь мне на него опуститься, при этом мастерски неуловимым движением коснуться почти каждой части моего тела со спины мог только истинный донжуан. Ну да парень, кажется, мог похвастаться нестандартной биографией и способен оказаться виртуозом в любом деле. Вот бы узнать о нем подробнее...

Ближе к двум часам ночи народ захмелел окончательно. Все принялись оживленно зевать, поглядывать на часы и склоняться к единодушному мнению, что пора и на боковую. Подозреваю, что все присутствующие давно бы расползлись по кроватям, но тут возникло неожиданное препятствие в моем лице. Правильнее сказать, препятствие это обнаружилось, когда обнаружился мой нескрываемый интерес к Аракелянцу. Я испытывала просто какое-то садистское наслаждение, видя мучительную гримасу Яковлевой. Вот пришлось той поломать голову над дилеммой, как и с кем пристраивать меня на ночлег.

– Может, потанцуем? – предложила я с лукавой улыбкой, когда Володя неожиданно уронил голову на стол, едва не приплюснув носом огромный кусок торта.

– А может, мы все же поспим?! – Медуза Горгона отдыхает по части гнева, с которым вернула мне вопрос Наталья. – Пора бы уже... Ирин, как там насчет ночлега?

Они молниеносно обменялись понимающими взглядами, уставились на меня и одновременно вопросительно подняли брови.

– Вы как хотите, а я домой, – пробормотала я, искренне надеясь на то, что Аракелян на машине.

– Каким, интересно, образом? – вступила Минакова, запоздало присоединяясь к инквизиторскому дуэту подруг. – Посмотри на часы, дорогая! Мало того, твоя машина осталась на стоянке и...

– Я отвезу ее, – коротко обронил Сергей, не дождавшись моих идей насчет того, как добраться до дома.

– Вы на машине?! – Удивление Яковлевой было таким искренним и таким глубоким, будто Аракелян прибыл на межпланетном корабле многоразового использования, а не на автомобиле о четырех колесах.

– Представьте себе. И она даже ездит, – не удержался тот от сарказма, поняв ее изумление так, как надо. – Даша, ты едешь?

Мне хватило трех с половиной минут, чтобы попрощаться со всеми. Потом еще столько же, чтобы избавиться от Володьки, который все норовил набиться нам в провожатые. И менее чем через десять минут мы уже выезжали за ворота, не забыв крикнуть сигналом на прощание.

Быстро миновав ярко освещенные улицы поселения «новых», как я именовала район, где жили Яковлевы, мы выехали на трассу. Непроглядная темнота тут же накрыла машину, сдавая позиции лишь свету фар. Роптать мне было грех, потому что появилась великолепная возможность изучить профиль Сергея без опасения быть замеченной. Панельная под-

светка оказалась прекрасным подспорьем. Кстати, тут я снова дала маху, забыв задаться вопросом: откуда у парня, по моим сведениям обитающего на самом дне жизни, такой дорогой «Лендровер»? Мне было не до деталей. Достаточно того, что Сергей в общем и целом занимал меня. Занимал, еще мягко сказано! Он интриговал меня, будоражил мое воображение и... возбуждал так, как ни один мужчина, с которым я когда-либо была знакома. Что это было: зов плоти, химия тела или что-то еще, неподвластное пониманию? Ответа я не знала. Знала одно: такого со мной еще никогда не случалось.

Все мои прежние промахи и неудачи на любовном фронте, которые стали притчей во языцех у подруг, были более или менее закономерны. Я либо слишком многого хотела от своего избранника, либо не хотела от него вообще ничего. Сейчас же все изменилось. Сейчас я пошла бы на костер только ради того, чтобы лента этого шоссе протянулась до бесконечности. Чтобы просто ехать, смотреть на него и ни о чем не говорить. Чтобы не искать повода оттянуть момент расставания, не придумывать предлог для позднего чаепития. Просто смотреть и слушать, как он дышит...

– Ты хорошая, Даша... – задумчиво пробормотал Сергей, когда мы уже въезжали в город.

Простые вроде бы слова. Простые и бесхитростные, но беда в том, что в них нашелся ответ на мои безмолвные вопросы, которыми я задавалась всю дорогу. Вернее, вопрос был один: как он ко мне в принципе относится.

Наверное, Аракелян заметил, что я всю дорогу таращусь на него. Заметил, все понял и решил вовремя расставить приоритеты. Его «хорошая Даша» прозвучала для меня примерно так: «Ты хорошая, Даша, но нам тебя не надо». Набрав полную грудь воздуха, я было собралась ответить ему как можно беззаботнее, в том духе, что никто на него, собственно, и не рассчитывал. Но он неожиданно продолжил.

– Ты очень хорошая. Но... – Его руки нервно скользнули по баранке руля. – Но мне совсем нечего предложить тебе.

– Слушай! – Мне следовало немедленно вмешаться, пока он не наговорил ничего такого, после чего любое мое слово станет бесполезным. – Ты считаешь, что мне что-то нужно от тебя?!

– Не нужно, значит? – он посмотрел в мою сторону коротко и с пониманием. – Так я и думал. С такой женщиной, как ты, рядом должен быть кто-то более достойный. Такой неудачник, вроде меня...

– Останови машину!!! – я крикнула это с такой страстью, что он испугался, дернул руль, и машину едва не занесло. Тогда я чуть понизила голос и уже тише попросила: – Сережа, останови машину немедленно!

– Зря ты так, – виновато пробормотал он, съезжая на обочину. – Я не собирался ничего такого...

Сергей снова все не так понял. А поняв все не так, тут же решил все за меня. Остановил машину. Отвернулся к окну и, нервно потирая ладонь о ладонь, принялся ждать либо моих

объяснений, либо того, когда я уберусь из его «Лендровера».

Нужно ли было мне объяснять ему что-либо в тот момент?! Подбирать слова, путаться в них, находить единственно правильные, чтобы он правильно меня понял, не счит излишне церемонной или, наоборот, чересчур распушенной. Зачем?! Кому это нужно?! Мне так уж точно нет. Поэтому без лишних слов я приблизилась к нему и, развернув его голову к себе, начала целовать. Не скажу, что Сережа откликнулся на мой порыв мгновенно. Эффект неожиданности он и в Африке эффект неожиданности. Конечно же, он опешил и какое-то время сидел, оторопело удерживая руки по швам. Но потом... Потом случилось то, что принято называть ураганом, шквалом, торнадо и еще бог весть чем. Что забивает легкие, слепит глаза, сбивает с ног и заставляет забыть обо всем, даже о самом понятии жизни.

Нас несло куда-то за грань предела, причем несло с такой силой, что остановиться не мог ни он, ни я. Металлическим скрежетом стонали сиденья, откидываясь назад. Многогранный мой пиджак, да простит меня Ирина, был варварски сорван и заброшен куда-то за голову. Туда же отправилась и его рубашка. Потом вдруг заело «молнию» на его брюках. Мои пальцы едва не одеревенели, пытаясь справиться с этим неожиданным препятствием. Оно раздражало и сбивало с толку.

– Подожди... – хрипло выдохнул Аракелян мне прямо в ухо, обдав мозг огненной волной. Какой же у него голос, о

господи!

Конечно же, он со всем справился. И со своими брюками, и с моими, сделав это как-то так естественно и красиво, будто всю свою жизнь только тем и занимался, что соблазнял и раздевал женщин на переднем сиденье своей машины. Хотя кто знает...

– Все хорошо? – Сережа полулежал на локтях, нависнув надо мной в весьма живописной позе. – Тебе удобно?..

Вопрос был чисто риторическим. О каком удобстве речь, если моя левая нога покоилась где-то на приборной панели, а спиной я ощущала все ручки и кнопки, расположенные на двери? Но мне было плевать на любые неудобства. Мужчина, которого я, может быть, ждала всю свою жизнь, осторожно вытирал пот с моего лба кончиками пальцев, едва касался губами моих щек и губ, что-то шептал мне на ухо щемяще трогательное... Стоило ли обсуждать в таком случае удобства, если одно его дыхание творило со мной черт знает что.

– Нам нужно одеться, – Сережа перебрался на свое сиденье, потом перегнулся через спинку и принялся нашаривать нашу одежду.

– Ты сегодня всю ночь пытаешься меня одеть, – хмыкнула я, принимая изрядно пострадавшие детали своего туалета.

– Один раз все-таки раздел, – он коротко рассмеялся, одевшись быстро и очень ловко. – Причем не безуспешно. Кстати, Даш, я говорил тебе, что ты супер?

– Нет пока, – пробормотала я, неловко натягивая на себя

брюки-капри и только с третьей попытки застегивая их.

— Так вот говорю. — Он снова склонился ко мне и поцеловал в висок со словами: — Ты самое лучшее, что со мной произошло за последние два года.

— Спасибо... — пробормотала я растерянно и надолго замолчала.

Собственно, надобность в словах отпала сама собой. Сергей мчал по пустым улицам, изредка поглядывая на меня. О чем он думал, косясь в мою сторону, вдруг перестало меня занимать. Нужно было срочно произвести инвентаризацию собственных эмоций.

Итак, что я опять натворила? Вляпалась я в очередной раз или нет? Что собой представляет этот неулыбчивый парень с загадочной биографией? Что я о нем знаю, кроме того, что он неподражаем внешне и в постели? Почему он мне соврал, когда зашла речь о его собеседнике? И откуда у него такая шикарная тачка, если он лишился в одночасье своего бизнеса, дома и всех тех удобств, к которым привык?..

О черт! Я едва не застонала вслух, вовремя стиснув зубы. Как я ненавижу эти моменты просветляющей трезвости! Как завидую безрассудным людям, способным закрывать на все глаза и упиваться мгновением. Откуда во мне это противное качество? Родители наградили, подруги вбили в меня с годами или сама природа распорядилась так, что всякий раз мне нужно было все проанализировать, взвесить и расставить по своим местам? Хорошо же все! Может случиться так, что бу-

дет еще лучше. Зачем тогда истязать себя ненужными вопросами? Пытаться соотнести характеристики моего спутника с собственным каноном идеального спутника жизни...

– Даша, да не мучайся ты так! – вдруг произнес Сергей, сворачивая всякий раз в нужном направлении. Не иначе, Волков снабдил координатами.

– А?! С чего ты решил, что я мучаюсь? – я даже фыркнула весьма натурально, пытаюсь изобразить бесшабашность. – Просто устала... День был очень длинным...

– Угу, – кивнул он, вроде бы соглашаясь. Но по быстрому взгляду, которым мы обменялись, стало понятно, что он все понимает, а чего не понимает, о том догадывается. – Пусть будет устала... Только я вот что хочу тебе сказать.

– Я...

– Нет, я скажу, а ты пока послушай. – Он вдруг вдавил педаль газа с такой силой, что стрелка спидометра резво прыгнула за сотенную отметку. – То, что случилось, то случилось. Оно не могло не случиться. Ведь так?

– Не знаю, наверное. – Я вжалась в кресло, трусливо ожидая его дальнейших откровений. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы его монолог стал для нас погребальным, но не перебивать же его.

– Ты из тех женщин, что редко поддаются безрассудству. Это я понял еще в тот момент, когда наблюдал, как тебя раздевает этот чудак. Слишком уж ты была серьезной в тот момент, словно пыталась угадать, чего же на самом деле можно

ожидать от этого недотепы. Проводила своего рода эксперимент. Трезво, со знанием дела. Не выйди я вовремя из тени, ты бы, может быть, любопытства ради и переспала бы с ним.

– Нет! – Меня даже передернуло от возможности такой перспективы. – Этого бы не случилось никогда! Ты просто с ума сошел!

– Вот! – обрадованно подхватил Аракелян, сворачивая к моему дому. Даже странно, что мы так быстро добрались. – Вот и причина того, почему ты не должна жалеть о том, что произошло между нами.

– Я не жалею. Просто...

– Просто сожалею, да? – Его губы снова тронуло слабое подобие улыбки. – Эх, Даша, Даша! Таковую страсть, что вспыхнула между нами, не каждый в жизни может испытать. Не всякий может этим похвастаться. Вот признайся, у тебя когда-нибудь случалось подобное?

– Нет, – честно ответила я. Смысла лукавить не было, Аракелян обладал удивительной способностью видеть меня насквозь.

– Вот! – он вдруг завертел головой по сторонам. – Какой у тебя подъезд?

– Этот, – я указала на подъездную дверь, против которой он притормозил. – Поднимешься?

– Нет, – незатейливо оборвал он мои разбушевавшиеся надежды. – Утром мне рано вставать. К тому же нужно быть в форме. А если я поднимусь к тебе, то спать будет некогда.

Еще увидимся...

Этой фразой он со мной простился и, едва я ступила на тротуар, мгновенно умчался.

Какое-то время я постояла, оторопело глядя на исчезающие за поворотом габариты его «Лендровера». Потом тяжело вздохнула и пошла к дому. Нечего и говорить, что настроение у меня было не очень... Паршивое, одним словом.

Попробовав еще раз проанализировать череду своих поступков за минувшие сутки, я пришла в ужас от собственного легкомыслия. Не помогли ни душ, ни кофе. И сколько бы я ни пыталась посмотреть на все это глазами Сергея, руководствуясь его оптимистической лирикой, легче мне не становилось.

Уснула я в самом скверном расположении духа, с дикой головной болью, желая проснуться утром с самой неизлечимой амнезией на свете.

Амнезии не случилось, зато случился телефонный звонок, который поднял меня ни свет ни заря.

– Аллё, – с отвратительной гримасой отвратительным голосом просипела я в трубку. – Слушаю.

– Даша, здравствуйте, это Александр.

О боже мой, нет!!! Какой, к черту, Александр?! Уж не тот ли несчастный алхимик, что удрал вчера, оставив меня с голым бюстом под яблоней? Хватает же наглости еще звонить после этого...

– Слушаю вас, Саша, – голос мой зазвучал ледянее ледя-

ного.

– Наверное, я должен извиниться?

– Наверное?! – я едва не послала его к черту. Но тут треклятое любопытство, о котором вчера со знанием дела распространялся Аракелян, снова напомнило о себе. – Как вас понять, Саша? Вы уводите меня из-за стола. Что-то говорите о своих чувствах. Потом, пардон, раздеваете меня почти до трусов. И как только из-за кустов появляется некто, вы даете такого стрекача, что просто...

– Простите!!!

Если верить интонации, то Саша едва сдерживал слезы. Я устыдилась и чуть миролюбивее пробормотала:

– Согласитесь, что порядочные мужчины так не поступают.

– Согласен! – обрадованно воскликнул Саша и тут же зачастил, не дав мне опомниться: – Я, собственно, потому и звоню! Хотел извиниться и попытаться исправить положение. Даша, давайте встретимся.

– Встретимся? Но зачем? Хм, встретимся...

Я все еще полулежала в своей великолепной кровати, которая своими размерами превышала двуспальный предел и являлась одним из предметов моей гордости. Изнеженно вытягивала поочередно то одну, то другую ногу, скользя по гладкому шелку простыни. Затуманенными глазами обводила свою спальню по периметру. И именно поэтому, наверное, плохо соображала, что мне пытается втолковать старший на-

учный сотрудник. Тот, который Саша. А втолковывать он, оказывается, умел. Как выражается молодежь: умел впаривать. Так вот, Саша наговорил мне столько всего, что я спросонья, толком ничего не поняв, взяла и буркнула под финал его длинной речи «да». И лишь положив трубку, ужаснулась.

Совсем конченная дура!!! Что я только что наобещала ему?! Что позавтракаю с ним?! Сегодня?! Я быстро перевела взгляд на часы. Прозрачный циферблат тут же удовлетворил мое любопытство, напомнив, что время движется к обеду, а посему завтрак должен состояться либо немедленно, либо надобность в нем отпадет сама собой. А это значит... А это могло значить только одно: Саша звонил мне, ошиваясь где-то поблизости, и именно он, наверное, названивает сейчас в мою дверь.

Свесив ноги с кровати, я немного поворачивала головой, пытаясь вернуть ясность мыслей. Потом откинула одеяло и – как была в пижаме, состоящей из шорт чуть выше колен и широкой майки с глубоким вырезом, – пошла к входной двери.

Посмотрев в «глазок» и еще раз опечаленно вздохнув, я открыла дверь и чуть отошла в сторону:

– Проходите.

– Доброе утро! – Саша переступил мой порог, захлопал белесоватыми ресницами, жадно елозя по мне светло-голубыми глазами. Потом вдруг спохватился, поймал мою руку и припал к ней губами. – Дашенька, вы такое чудо!!!

– Да что вы? И кто бы мог подумать?

Я язвила безбожно, но плевать мне было на все правила этикета в его присутствии. Подумаешь, персона!

Отчаянно шлепая босыми ступнями по ламинированному покрытию прихожей, я прошла в кухню и загремела посудой. Как и следовало ожидать, Саша притащился следом. Сел на краешек мягкой скамейки и, зажав коленями ладони, с немым обожанием принялся отслеживать все мои передвижения по кухне.

– Чай, кофе? – как хозяйке мне надлежало проявить гостеприимство, хотя идея с завтраком целиком и полностью принадлежала ему.

– Чай, – быстро ответил Саша, а потом запоздало спохватился: – А мы куда не пойдем?

– Нет, – отрезала я, налила ему в большую глиняную кружку свежесваренный чай, выставила на стол сахарницу, масло, нарезанную булку и, нисколько не конфузясь скудности угощения, скороговоркой произнесла: – Уж чем богаты, не обессудьте.

– Что вы, Дашенька! Все просто прекрасно! А вы сами что же?

– Не беспокойтесь за меня, Саша. Завтракайте. Мне нужно в ванную...

Пробыла я там непозволительно долгое время. Сначала стояла под душем. Потом вымыла волосы, сушила и укладывала их феном минут пятнадцать. Переоделась в банный

халат, дабы не провоцировать воображение Александра, который все норовил заглянуть мне поглубже в вырез майки. Чуть подкрасила глаза и лишь затем вышла из ванной.

Саша сидел все там же, все так же тиская коленками ладони. Правда, со стола самым невероятным образом исчезла вся булка и добрая половина масла. Аппетит, однако, у него отменный...

Молча сев напротив гостя, я залпом выпила две чашки кофе. Потом, начав наконец соображать здраво, я спросила:

– Саша, вы живете один?

– Да... – он печально вздохнул, наверное, тем самым призывая меня к сочувствию, потом пояснил: – Мама умерла полгода назад. Все ждала, когда я смогу защититься... Не дождалась...

– Вы не защитились?

– Да нет, знаете, надобность как-то отпала. Сейчас ведь научный потенциал нашей страны... – Он вдруг посмотрел на меня излишне настороженно, словно заподозрил меня в корпоративном сговоре со спецслужбами. – Приходится перебиваться случайными заработками.

Если бы не его зверский аппетит, то я бы никогда не заподозрила в нем человека, перебивающегося случайными заработками. Потому что одевался Александр явно не на местной барахолке. Вещи были, конечно же, не суперавангардными, но достаточно модными и дорогими. Опять же, руки его свидетельствовали о том, что маникюрный салон он по-

сещает регулярно. Одним словом, то впечатление, которое Александр пытался навязать, произведено на меня не было. Хотел, чтобы приласкала из жалости? Может быть, я бы так и сделала, не случись в моей жизни вчерашней встречи. Может быть, даже и сочла бы знакомство с Александром перспективным и многообещающим. Но после того, что произошло на переднем сиденье «Лендровера»... Нет, не могу.

– Может быть, сходим куда-нибудь? – не сдавался между тем Александр. – На улице так хорошо. Последние дни лета...

– Куда идти? Мне завтра на работу, – принялась я ныть, на ходу придумывая предлог, чтобы как можно быстрее выставить Александра из дома.

Не улыбалась мне перспектива прогулок рука об руку с этим ботаником. Вроде бы и не дурен. Высокий. Без излишней костлявости, свойственной ученым мужам, просиживающим над пробирками и микроскопами. Шевелюра блондинистая, без малейших намеков на плешь. Лицо самое обычное, принадлежащее среднестатистическому жителю мегаполиса. Синюшно бледные щеки с редким вкраплением веснушек. Бледные тонкие губы. Светло-голубые глаза, излишне, пожалуй, светлые. Уши как уши. Шея тоже ничего. Но не нравился он мне, хоть убей! Чего было пыжиться и изображать заинтересованность, если он меня не интересовал вообще.

– Саша, я хочу кое-что прояснить, – медленно начала я,

пристально отслеживая его реакцию. — Мне кажется, что вчера вы несколько ошибочно оценили ситуацию. И...

— Дашенька, я прошу вас! — Тут несчастный старший научный сотрудник вдруг сполз со скамейки и, преодолев на коленках ту пару метров, что нас разделяла, уронил мне голову на колени. — Не гоните меня прочь, я вас умоляю!!! Вы просто не понимаете!.. Я ведь не зря говорил о серьезности намерений вчера! Я хочу жениться!!!

— Да что вы?

Почему мне вдруг стало казаться, что Саша не совсем искренен со мной? Уж не потому ли, что, прежде чем упасть на колени, он четко просканировал поверхность пола на предмет его запыленности. Нет, это ерунда! В том, что человек бережно относится к своим вещам, нет ничего предосудительного. Он и вчера мой пиджачок аккуратно пристроил на сучке, а не зашвырнул куда-то за спину, как это сделал чуть позже Аракелян... Причина не в нем. Причина во мне. Это снова зазвучала старая песня о главном. Саша просто меня не вдохновлял, и мне нужно было найти три сотни разных причин, чтобы освободить плацдарм для пылкого Сергея. А где он, Сергей-то? И будет ли вообще? Как он мне сказал на прощание: увидимся? Да, кажется. А когда увидимся, при каких обстоятельствах?.. Все нечетко, размыто, а хотелось бы определенности, мне уже тридцать пять как-никак через месяц.

А с Сашей... Я неожиданно коснулась его светлых волос и

поразила их мягкости. Мама всегда говорила, что если волосы мягкие, то характер покладистый. Наверное, так оно и есть. Саша мягкий и покладистый. С ним все будет стабильно и незыблемо. Он будет терпеть мое дурное настроение и злобные выпады в свой адрес. Он будет содержать наш дом в идеальном состоянии, подбирая по комнатам разбросанные мною вещи. И наши дети будут любить его... Только вот я любить его не буду никогда. Может быть, привыкну, начну уважать за что-то, но любить...

– Дашенька! – Его руки осмелели настолько, что распахнули полы моего халата, в который я от него же и куталась, и принялись нежно поглаживать мои коленки. – Я всю жизнь буду вас на руках носить! Уважать, любить и лелеять! Тот ковбой, с которым вы уехали из гостей...

– Откуда вы знаете? – перебила я его, поразившись такой его осведомленности.

– Мне ваша подруга рассказала, когда я попросил ее снабдить меня вашими координатами. Я ни о чем ее не спрашивал! – он вскинулся, подняв на меня испуганный взгляд. – Она сама меня попросила.

– О чем?

– Ну... Чтобы я был немного посмелее и понастойчивее, – принялся мямлить Александр, поняв, что от ответа ему уйти не так-то просто. – Если хочу, чтобы вы изменили ко мне свое отношение.

– Ну, допустим, смелости вам, Саша, не занимать, – ядо-

вито заметила я, вспоминая сцену под яблоней. – А насчет настойчивости вот что я вам скажу... Она ведь хороша лишь тогда, когда не досаждаёт. Вы согласны?

– Да, наверное. – Холеные пальцы Саши скользнули куда-то к щиколоткам и принялись массировать мои ступни с почти профессиональной ловкостью. – Только, Дашенька, вы не можете не признать, что мы сами порой не знаем, чего хотим от жизни. Очень нетерпимо относимся к нормальным вещам и, наоборот, терпим то, что терпеть противоестественно. Так вот, тот мужчина, который привёз вас домой, недостоин не только вас, он недостоин быть даже вашей тенью. Вы такая... Чистая! Непосредственная! Вы просто находка для порядочного человека.

– К коим вы причисляете себя, надо полагать. – Я не любила, когда начинали проповедовать, таким образом влезая в мою жизнь.

– Ну... это вам решать, Дашенька. Просто со мной вам будет тепло и спокойно. А с ним... – если, конечно, он ещё объявится – вы никогда не будете знать покоя. Жить на пороховой бочке, может быть, и интересно, но небезопасно, согласитесь. Вы нуждаетесь в защите, дорогая. Вы так одиноки, уязвимы, поэтому вам просто необходимо...

– Выйти за вас замуж?! Знаете что, Саша!..

Я просто полыхала гневом. И уже не потому, что он читал мне проповеди, а, скорее, оттого, что оказался чертовски прав во всем.

Кто такой Аракелян? Никто! Так его мне и Волков представил, сказав, что он никто. Так или почти так Сергей и сам себя рекомендовал, сказав, что ему нечего мне предложить. Красивый мужчина с некрасивым прошлым и весьма туманным будущим...

Саше, напротив, есть что мне предложить. Во всяком случае, тот сам так утверждает. К тому же он действует конкретно и никакой неопределенности не допускает...

– Дашенька, может быть, вы переедете ко мне? – вдруг подал голос мой поклонник, выводя меня из расслабленного состояния, вызванного умелым массажем моих стоп.

– Зачем?

– Ну... чтобы мы попробовали пожить вместе какое-то время. Мы могли бы в таком случае лучше узнать друг друга. Чтобы я смог заботиться о вас и защитить, если понадобится.

Надо полагать, он намекал на Аракеляна, самого недостойного и испорченного из всех претендентов на место под солнцем, то бишь рядом со мной. Хотя тот и не претендовал особо. Просто вызвался подвезти до дома, а секс... секс не считается.

– Нет, Саша, – я решительно поднялась, пресекая всяческие попытки удержать меня за голые коленки. – Жить с вами ради эксперимента я не собираюсь. Это глупо, согласитесь. И в защите я не нуждаюсь. Я взрослая девочка и смогу за себя постоять. Мне льстит ваше предложение, но я не могу ответить вам на него однозначно. По крайней мере сей-

час. Спешка здесь неуместна, если учесть, что мы знакомы с вами чуть меньше суток.

– Я вас не тороплю! – запричитал новоявленный жених. – Я буду ждать столько, сколько вы сочтете приемлемым, Даша! Только не гоните меня прочь, прошу вас! Позвольте видиться с вами как можно чаще. Для меня это очень важно. И вы узнаете меня лучше, привыкнете к моему присутствию в своей жизни. Может быть, и сумеете когда-нибудь полюбить меня.

«Вот это вряд ли», – хотелось мне сказать, но я промолчала. Слишком уж расстроенным выглядел Саша. Усугублять его страдания мне не хотелось. В конце концов, не так уж он много просит. Пусть поприсутствует, коли уж ему так хочется.

– Ладно, – с тяжелым сердцем произнесла я и, видя, каким ликованием зашелся Александр, воздала хвалу собственному великодушию. – Будем видиться с вами, Саша, как можно чаще. Но не особенно обольщайтесь, времени у меня в обрез. Вот как раз сейчас...

Тут я бросила озадаченный взгляд на пустое запястье, тут же исправила положение, выхватив глазами циферблат будильника в подвесном шкафу.

– Как раз сейчас мне нужно срочно по делам, так что...

– Я понял. – Саша поднялся с колен, отряхнул несуществующую пыль с брюк и без лишних слов направился на выход. – Я позвоню сегодня?

– Конечно, звоните! Номером моего мобильного вас тоже снабдили?

– Да, Наталья Николаевна оказала мне неоценимую услугу.

– Ах, это все же Наталья Николаевна...

Кто же еще? Это ведь ее супруг по неосторожности поспособствовал тому, что на моем горизонте замаячила перспектива мезальянса. Кому же еще исправлять положение, как не ей. Только прежде чем подсовывать мне этого алхимика, стоило все же посоветоваться.

– До встречи, дорогая, – пробормотал скороговоркой Саша.

– Ага, пока, – послала я ему одну из своих самых радужных улыбок и щелкнула замком, приоткрывая дверь. – Счастливо...

Но Саша счел, что уйти от меня просто так, после всего, что между нами произошло, просто неприлично. Поэтому он внезапно вернул ногой дверь обратно. Едва уловимым движением привлек меня за талию к себе и, очень бережно поддерживая мою голову за затылок, впился в мои губы прощальным поцелуем.

Господи, этот поцелуй, казалось, длился целую вечность! Мне срочно нужно было проглотить слюну, перевести дыхание и выудить из заботливых пальцев Александра запутавшуюся прядь волос. И дело было вовсе не в том, что он не умел целоваться. Нет! Мужчины за последние сутки мне по-

падались один виртуознее другого! Просто Сашин поцелуй не разбудил во мне и сотой доли тех чувств, что вытворяло, к примеру, одно дыхание Аракеляна. С чего мне, собственно, было задаваться вопросом: бреет ли Саша волосы на ушах или нет, когда его язык и губы демонстрировали верх мастерства?!

– Пока! – радостно выдохнул Саша, отстраняясь и глядя на меня горящими глазами. – Увидимся...

Мне некогда было думать, что за минувшие сутки уже второй мужчина исчезает из моей жизни с подобным обещанием. Быстро закрыв за ранним гостем дверь, я перевела дыхание и, остановившись всего лишь на минуту у зеркала, пошла застилать кровать.

Глава 3

Понедельник и вторник, прихватив среду с четвергом, пролетели в бешеном ритме. Запланированные на следующие выходные спортивные состязания юниоров требовали такой мобилизации духа и сил, что задумываться о чем-то еще просто не было времени. Как чумовая я носилась по швейным мастерским, гостиницам и различным кафе. Заключала договора на пошив спортивной одежды и ремонт инвентаря, бронировала номера для прибывающих, выбивала доставку горячих обедов.

– Дарья Михайловна, один вопросец... Дарь Михална, тут вот у нас одна проблемка внезапно обнаружилась... Дашуня, ты ведь у нас молоток, ты ведь не откажешь...

Просьбы, указания, требования и снова просьбы и мольбы. Я думала, что не выдержу и сорвусь на кого-нибудь, забыв привычку улыбаться и отшучиваться. Но нет, ничего, выдержала. И стойко встретила пятницу, ознаменовавшую собой конец недели, начало моего отпуска, а стало быть, и конец моих недельных гонок и нервотрепок.

– Как я без тебя, скажи?! – стenal наш генеральный, хватаясь за голову. – И когда?! Сейчас!!! В такое время!!! Ты – предательница, Дарья!

Разговорам таким не было конца. Что-то подобное я слышала и в прошлом и позапрошлом году, причем независи-

мо от времени года и графиков проводимых мероприятий. В этом же году я сказала – все! Хватит! Меньше чем через месяц у меня как-никак юбилей, отметить который я собиралась на даче. А дом и деревья уже давно требовали к себе внимания, напрашиваясь соответственно на ремонт и изрядную корчевку. Мотивируя подобным образом свою внезапную просьбу, я, конечно, не могла рассказать шефу о подлинные ее причинах. Он, правда, в какой-то момент прищурился подозрительно и обронил что-то типа: «мужики небось одолели, сбежать хочешь». Но потом свои подозрения счел безосновательными и быстро переменял тему, совсем не догадываясь, насколько недалек от истины.

Мужики меня действительно одолели, но только каждый по-своему.

Один, например, тем, что взял за правило напоминать о себе каждый час нескончаемыми телефонными звонками и чуть реже визитами. Я уже почти ненавидела его бледную постную физиономию, но, памятуя о своем обещании дать нам обоим шанс, терпела. Наливалась злобой, скрипела зубами, но терпела.

Второй же, наоборот, напрочь забыл о том, чтобы напоминать мне о своем существовании. Прошла почти неделя с момента нашего расставания, а Сергей так и не объявился. Все эти дни, начиная с воскресенья, я не расставалась с телефонной трубкой. Укладывала ее на ночь в изголовье кровати и таскала ее с собой даже в душ, но Аракелян не звонил.

Иногда мне начинало казаться, что он не может пробиться ко мне из-за плотности наших переговоров с Александром. Но благоразумие шептало, что ничто не помешало бы ему подняться ко мне на пятый этаж.

Я злилась, мысленно посылая его ко всем чертям, но все равно продолжала ждать...

Первое утро отпуска началось, как и ожидалось, с дежурной приветственной речи Александра.

– Добрый день, дорогая. – Так он теперь ко мне обращался, тем самым, наверное, приучая меня к мысли о нашем единстве. – Как дела? Ты уже встала?

– Да, – проскрипела я в ответ, борясь ну просто с невыносимо диким желанием сказать ему правду о себе, о нем и о том, что в его понятии подразумевалось под местоимением «мы». Но вместо этого, скрадывая зевоту, я промямлила что-то учтивое.

«Сегодня же уеду на дачу», – мрачно подумалось мне в тот момент, когда я распрощалась с Александром.

Прошлась по квартире, заглянула в полупустой холодильник и, наскоро приняв душ, решила перед отъездом пополнить запасы продуктов. Никогда не помешает. Мало ли кому взбредет в голову навестить меня. Но потом вдруг разозлилась на себя за малодушие и с покупкой продуктов решила повременить. Куплю лишь то, что понадобится мне на даче.

Выйдя на лоджию, я окинула взглядом окрестности и обреченно вздохнула. Погода радовала тридцатиградусной жа-

рой уже с самого утра. Ближе к обеду воздух непременно прогреется до сорока градусов, асфальт начнет плавиться, и город накроет душным облаком выхлопных газов. Определенно все указывало на то, что пора укрыться в деревенской тиши старых лип. Там меня Саша уж точно не достанет, потому что Наталья Николаевна – благодетельница наша, радеющая за всех одиноких и отверженных, получила на сей раз весьма четкие указания.

Я поглазела еще минут десять на народ, снующий по двору. Порадовалась за молодежь, которая могла позволить себе в такую жару свести к минимуму присутствие одежды на теле, и, вздохнув, пошла одеваться. Демократичный хлопковый костюм, который мне так хотелось надеть на торжественный прием Яковлевых, пришелся как нельзя кстати. Побросав в сумку с дюжину шорт, маек и кое-что из белья, я сочла, что практически готова к отъезду.

Я спешила как никогда. Куда подевалась привычная обстоятельность? Что меня так гнало из дома? Боялась, что меня захватит за сборами Саша, или боялась передумать и повременить с отъездом? Наверное, и то и другое вместе.

Я трусливо спасалась бегством, потому что не знала, что мне делать со всем этим дальше. Вымученные отношения с Александром, которые и отношениями-то назвать язык не поворачивался, тяготили меня все сильнее. Обижать его мне тоже претило, слишком уж влюбленным и несчастным тот выглядел. Заискивал, извинялся без видимых причин. За-

ботливо поддерживал под локоток, стоило мне оступиться. Летел покупать мороженое, если мой взгляд случайно задержался на палатке с навевающим прохладу названием «Нестле»...

Дурдом просто какой-то, да и только! И почему бы сразу его не послать?! Зачем позволила вовлечь себя в какую-то хитроумную комбинацию, разыгранную подругами и восторженным научным сотрудником? Не потому ли, что мои мысли все это время были заняты совсем другим? Или, как в той песне: «жениха хотела, вот и залетела...» Может быть, так оно и было, и залетела я, судя по всему, конкретно, потому что не успела причесать перед зеркалом волосы и взять в руки сумку, как в дверь позвонили.

Саша!!! Господи, не успела! Я заметалась по прихожей, удерживая сумку перед грудью. Потом наконец сообразила открыть встроенный шкаф и сунуть ее туда, накрыв сверху джинсовой курткой. Если увидит, вцепится, вымаливая объяснения, а узнав правду, еще чего доброго расплатится.

Саша между тем продолжал жать кнопку звонка, проявляя чудеса неподражаемой настойчивости.

– Господи, как же он меня достал! – злобно прошипела я, открывая дверь и отступая на шаг.

Отступила, подняла глаза и тут же едва не упала на коленки.

Аракелян...

Самый бессовестный, самый неподражаемый на свете

Аракелян стоял, подпирая притолоку моей двери, и беззаботно улыбался.

– Что?! – выпалила я вместо приветствия.

– Что – что? – переспросил он, не меняя позы и выражения лица.

– Чему улыбаешься, спрашиваю? – Меня его улыбка почему-то раздражала. Была в ней какая-то напряженность. Или я придираюсь?..

– Рад тебя видеть, – последовал его предсказуемый ответ.

– Мог бы давно порадоваться, коли так.

Зачем сказала?! Зачем же так вот сразу обнажать свои чувства?! Он же сразу поймет, что думала о нем, ждала...

– Значит, не мог, – развел он руками. В одной мне удалось рассмотреть крохотный букетик фиалок, другая сжимала ручки туго набитого пакета. – Так я войду?

– Ага... Входи...

Конечно же, я была возмущена. И мне очень хотелось устроить ему сцену, наговорив кучу гадостей о его необязательности и чудовищном самомнении. Но желание мое так желанием и осталось. Уткнувшись носом в протянутый мне букетик, я поспешила на кухню. Пока доставала вазу, пока наливала в нее воду и пристраивала на кухонном столе, успела проглядеть тот момент, когда Аракелян отыскал в шкафу мою дорожную сумку.

– Куда-то собралась? – Улыбка его стала еще более напряженной. Или я снова придираюсь?..

– С чего ты решил? – Все мое внимание было сейчас сосредоточено на хрупких цветках, которые никак не хотели красиво устраиваться в узком горлышке вазы.

– Сумка твоя? – Сергей потряс в воздухе моей сумкой. – Твоя. Вещи в ней твои. К тому же ты долго не открывала, громыхала дверцами шкафа.

– И что с того? – Я и не думала сдавать позиций, вознамерившись к тому же возмутиться по поводу несанкционированного обыска.

– Решила сбежать? – Сумку Аракелян отшвырнул к кухонной двери, шагнул ко мне и взял за руки, прерывая мое самозабвенное занятие по составлению икебаны. – От кого, если не секрет?

Мне стоило огромных трудов не сказать ему правду. Хвала господу, хоть на это у меня хватило ума. А то совсем уже было собралась уткнуться в сильную грудь и расплакаться слезами облегчения от того, что и милый рядом, и постылый далеко. Но нет, не уткнулась и не расплакалась. Вместо этого с вызовом посмотрела в его удивительные темные глаза и нагло заявила:

– Секрет, знаешь! Еще вопросы имеются?

– Уйма. И ты мне на все должна непременно ответить.

По наглости он дал бы мне фору в сотню очков, потому что, невзирая на мой протест, обнял и поцеловал. Поцеловал со знанием дела, незаметно притиснув к кухонному столу и смело забравшись под широкую тунику.

– Прекрати, Аракелян! – возмутилась я, пытаюсь убрать его руки со своей поясницы. – Считаешь нормой не звонить, не объявляться, а потом вот так по-хозяйски лезть мне под кофту?

– Ты же не против, Даш, чего выделяешься? Не поверю, что не скучала...

Звук его голоса кружил у самого уха, обволакивая, уговаривая, заставляя забывать обо всех моих обидах. Да и не хотелось мне вспоминать об этом, если честно. Значимость его присутствия рядом с собой не оценить могла только дура, а ею я уж точно не была. Поэтому и отвечала на его вопросы все больше утвердительно и противиться его смелости тоже перестала.

Где-то в глубине квартиры надрывался телефон, ему вторил мобильник, который я сунула во внутренний кармашек дорожной сумки. Надо полагать, кому-то я срочно понадобилась. И дело могло быть весьма важным, просто безотлагательным. Но разве это имело значение сейчас?

Аракелян с его чудовищным магнетизмом, завораживающим шепотом и гиперсексуальностью – вот что было главным сейчас.

Что-то падало со стола. Его фиалки, должно быть. Падало и разбивалось. Уже, наверное, моя ваза. Брызги воды на голые ступни, прохладная жесткость поверхности стола, отчаянный треск рвущейся по швам одежды... Единственное, о чем я успела ему напомнить, прежде чем окончательно поте-

ряться во времени и пространстве, так это о том, что в этом доме, кажется, где-то должна быть кровать. Но все мое благоразумие было прервано его жестким: молчи.

На кровати мы все же очутились, но много позже.

Моя голова покоилась на его руке, согнутой в локте. Мой блуждающий взгляд скользил по его лицу, груди, устремлялся ниже и, достигнув высокого подъема совершенных по форме ступней, снова возвращался обратно.

«Все же я влипла», – родился неутешительный вывод много позже. Влипла так, как мне и не снилось. Может быть, на нормальном языке это принято называть любовью, но то, что происходило со мной, в это понятие не вписывалось. Это чувство было каким-то сокрушительным. Оно пугало силой и глубиной своей неудержимости.

Разве смотреть на спящего мужика и ловить его дыхание, замирая от счастья, это норма?! Или считать родинки на его теле, находя каждую из них венцом творения всевышнего, норма?! Нет, отвечала я себе. Это больше похоже на сдвиг. И сдвиг прогрессирующий.

Аракелян спал, ни о чем таком не догадываясь. Кажется, он выглядел вполне довольным собой и жизнью. Чего нельзя было сказать обо мне. И самое главное, что меня расстроило еще больше, – как следует поразмыслив, я не нашла виновных моего сумасшествия. Подруги выразили протест в весьма категоричной форме, навязав мне Александра...

Я мысленно ахнула, вспомнив о несчастном. Что я ему

скажу?! Извините, Саша, я люблю другого? Пошли бы вы, Саша, и искали другую, более достойную женщину? Или что-то в этом роде?.. Непорядочно! Более того, подло!

Я обеспокоенно заворочалась, встревоженная запоздалыми угрызениями совести, и, видимо, неосторожные телодвижения потревожили предмет моего обожания. Он приоткрыл сначала один, потом другой глаз, вопросительно уставился на меня, забормотал что-то нечленораздельное и тут же с заметным неудовольствием в голосе отчетливо произнес:

– Без этого ты никак не можешь?

– Без чего? – Мне пришлось приподнять голову, чтобы он повернулся ко мне.

– Без разбора полетов! Все бы тебе предать анализу. Ох, Дашка, беда с тобой. – Сергей широко зевнул, вытянул руку и, ухватив меня за затылок, привлек к себе, заурчав сытым довольным котом. – Ну, Дашка, ну перестань терзаться. Все же хорошо. Так?

– Да, наверное.

Его уверенности можно позавидовать. Уверенности и безмятежности. Попробуй догадайся, что этот довольный всем парень, раскатывающий по городу на дорогой машине и с легкостью рвущий на себе одежду в клочья (тут мне совсем некстати вспомнился аккуратный бережливый Саша), обитает едва ли не в сточной канаве. Что не так давно он был лишен всего: привычного уклада жизни, доходного дела и

жены. Кстати, о жене...

– Что тебя конкретно интересует?

Между бровей у Сергея мгновенно обозначилась складка, которая мне совсем не понравилась. Ревную? Может быть...

– Ты любил ее?

– Не любил, не женился бы. – Он вдруг напряжился и рывком поднялся с кровати. – Слушай, Дашка... Давай с тобой договоримся... Если ты намерена продолжать отношения со мной, то никогда!.. Слышишь, никогда больше не спрашивай меня ни о чем таком, что я пытаюсь забыть и вычеркнуть из памяти. Договорились?

Что мне оставалось делать? Конечно же, я кивнула ему, соглашаясь. Но в душе же ни о каких консенсусах и речи быть не могло.

Я молча наблюдала за его перемещениями по моей спальне. Оставила без комментариев его вопросительный взгляд, когда он, поворошив стопку журналов на прикроватной тумбочке, наткнулся на фотографию, на которой я обнималась с нашим инструктором по плаванию Гошей. Проигнорировала его недовольство по поводу трех номеров телефонов, написанных маркером на обратной стороне фотографии все тем же Гошей. И даже выдержала паузу, когда Аракелян демонстративно смахнул толстый слой пыли с телевизора.

Кажется, я обиделась. И обиделась достаточно сильно, раз оставалась безучастной к его провокационным выходкам. Или делала вид, что оставалась...

– Даша, а кто этот тип, с кем я застал тебя в саду? – вдруг не к месту спросил Аракелян.

Почему не к месту? Да потому, что в этот самый момент он листал путеводитель по Испании, куда я собиралась поехать третье лето подряд, да так и не поехала.

– Разве это имеет значение? – Я встала с постели, потискала в руках измятое шелковое покрывало, намереваясь накрыть им кровать. Потом вдруг передумала и завернулась в него, словно в индийское сари. – Для тебя разве это имеет принципиальное значение?

– Пока не знаю. – Аракелян продолжал блуждать по спальне, совершенно не стесняясь собственной наготы. Оно и понятно, чего стесняться, когда каждый участок тела – предмет зависти для греческого Аполлона!

– Вот и ладно. Как узнаешь, так и поговорим.

– Ты куда? – остановил он меня вопросом, когда я уже почти скрылась в коридоре.

– Я в ванную, а что?

– Ты мне так и не ответила. – Сергей появился в дверном проеме, по моему примеру закутавшись в простыню. Ага, проняло все ж таки! Не совсем, значит, без совести. – Кто для тебя этот парень?

– Послушай! – Мне вдруг стал неприятен и сам вопрос, и тема, которая в нем затрагивалась. Что я ему могла сказать, если сама для себя пока не определила: кто для меня Александр. Но вместо этого я начала юлить, распаяясь все боль-

ше и больше. – Чего ты ко мне пристал?! Если я правильно понимаю ситуацию, то у нас случилась договоренность о суверенитете! Было такое?!

– Ну... не совсем, конечно, так, но... – Теплая бархатистость его взгляда сменилась непроглядной теменью, а складка между бровями стала еще более рельефной. – Разговор, если мне не изменяет память, шел о прошлом. Скажи-ка мне, Дарья, я ничего не перепутал?

Сергей был прав. Он и в самом деле говорил, что не хочет ни о чем таком вспоминать. Кажется, даже упоминал, что вычеркнул все из памяти. Чего было заводиться? Нет, все же я ревную. Ревную к его прошлому, которое он пытается забыть. Ревную к памяти жены, о которой ничего не знаю, как не знаю и обстоятельств ее гибели. И причина моей необъяснимой на первый взгляд злости вполне объяснима: мне просто до боли в животе хотелось услышать от него, что он ее не любил. Аракелян не пошел на поводу у примитивного женского желания, сказал правду. Впервые, может быть, сказав ее мне. Ну, а тема Александра стала следствием, а не причиной.

– Итак, кто он? И кем он является для тебя? Я совсем не хочу наставлять кому бы то ни было рога. Это не в моих правилах. Дарья! – Аракелян уже кричал на меня.

От былой его расслабленности не осталось и следа. Надо же было мне так все испортить. И самое страшное заключалось в том, что я представления не имела, как исправить си-

туацию. Врать не имело смысла. Врать я не умела, начинала путаться в деталях, изворачиваться и попадаться на мелочах. Аракелян неоднократно проявлял в отношениях со мной чудеса проницательности. Поэтому вывести меня на чистую воду будет для него делом трех минут. «Надо говорить правду, – обреченно подумалось мне, – или хотя бы часть правды».

– Этот тип претендент на мою руку и сердце, – с печальным выдохом призналась я. – Во всяком случае, так думает он и мои подруги.

– О-оо как! А я то... Ладно, понял, не дурак. – Аракелян обошел меня так, словно на его пути стояла не я, а урна с прахом Тутанхамона, скрылся в нише кухонной двери и, чертыхаясь, принялся выгребать из углов останки своей одежды.

Нужно было срочно спасать ситуацию, а не стоять обиженной куклой, кутаясь в прохладный шелк.

Я вошла в кухню и замерла на пороге с самым виноватым и скорбным видом, на какой только могла быть способна.

– Сережа, – выговорила я несмело, вдруг поймав себя на мысли, что, кажется, впервые называю его по имени. – Что ты делаешь? Пуговиц практически не осталось. Как ты пойдешь? Давай я пришью, что ли. И на брюках тоже...

– Пришивай Саше, или как его там! – рывкнул он вдруг, удивив меня неимоверно. Уж от кого, от кого я не ожидала подобного собственнического выпада, так это от него. Кто

бы мог подумать, что гордый Аракелян опустится до такого тривиального чувства. – Его же тебе жалко! Он бедный и одинокий! Вот и пришивай ему все, что он ни попросит! А меня оставь в покое!

– А чего ты, собственно, орешь на меня?!

Я метнулась к газовой плите и с грохотом опустила на горелку чайник, просто чтобы не стоять столбом на его пути и не пялиться на него глазами, полными слез. Такие выходки простительны девочкам двадцати лет от роду, а не зрелым дамам вроде меня. Как-никак тридцать пять через месяц...

Чайник успел приветственно свистнуть, а Аракелян все ползал по полу в поисках своих пуговиц. По-моему, он просто тянул время, ожидая от меня каких-нибудь неразумных просьб, типа «милый, прости, не уходи». Но я не стала его ни о чем просить, а вместо этого принялась лепить себе бутерброды и готовить в термосе чай.

Я ведь собиралась уезжать на дачу? Так и поеду, господи ты, боже мой! Пускай катятся ко всем чертям все Саши с их щенячьей преданностью и все Сережи с их непомерными амбициями и обостренным чувством гордости. Уеду и займусь запланированными делами. Там сейчас хорошо, тихо. Дачный сезон катится к закату, и детей из окрестных дач развозят по домам. Так что пруд будет полностью в моем распоряжении, и в нем я смогу купаться почти голышом, без опасения быть замеченной. Могу даже посидеть с удочкой, коли возникнет такое желание. И чай буду пить непременно

из того самого самовара, с которым так любит повозиться Ирина. И будет мне там так хорошо, так покойно, что все тревожные мысли о несложившемся ни за что меня не посетят... может быть.

— Даш, что мы делаем?!

Я обернулась и удивилась той растерянности, даже подавленности, с которой он перебирал крохотные пуговицы от своей сорочки, которые отыскал на полу.

— А что мы делаем? — с вызовом произнесла я, облокачиваясь о край рабочего стола, чтобы ноги в коленях не так подрагивали от внезапного приступа слабости.

— По-моему, мы ссоримся, Даш, а я этого не хочу. — Сережа подбросил на ладони подобранные пуговицы и вдруг со злостью швырнул их о стену. — Чертовщина какая-то! Летел к тебе, так хотел увидеть, все же было прекрасно, и вдруг... Твои вопросы, потом мои. А оно нам надо, Даш?!

Отвечать что-то смысла не было, да я бы и не смогла. Начни я хоть что-нибудь говорить, непременно расплачусь. О том предупреждал спазм, бинтом перехвативший накрепко горло. Сережа, как и подобает, кинется меня утешать, говорить что-то мягкое и вполне приличное. Все потечет по нужному руслу, и хеппи-энд нашей лавстори обеспечен. По крайней мере на сегодняшний день.

Нет! Так я не хочу. Лучше уж никак вместо как-нибудь... Кем было сказано, не помню, но сказано верно. У нас с ним действительно все получается «как-нибудь». Как-нибудь по-

звоню, как-нибудь увидимся, как-нибудь переспим, если выдаться случай. Да ладно бы, кто же против? Чего тогда пытаться и изображать оскорбленную добродетель? Никаких обязательств – значит никаких. Если, конечно же, причина именно в ревности, а не в чем-то другом...

Почему в моей голове мелькнула подобная мысль в тот момент? Этим вопросом я задавалась потом неоднократно. Ломала голову, пытаюсь вспомнить, что именно натолкнуло меня на мысль, будто его гнев вызван чем-то еще, будто существует еще какое-то неведомое мне объяснение. Проклятая невнимательность! Вернее, даже не невнимательность, а простое неумение сконцентрироваться на вещах второстепенных, с виду неприметных. А ведь именно в них подчас скрывается истинный смысл.

Одним словом, оставив без внимания интуитивные послы, пальмовую ветвь я не приняла, упрямо продолжая собираться в дорогу, то есть набивать еще одну сумку оставшимися в холодильнике продуктами. Зачем я это делала, одному богу известно. Собиралась же купить все необходимое по дороге, а тут вдруг проявила просто чудеса предусмотрительности, выставляя на дно объемной сумки ровные ряды баночек с салатами и майонезом.

Аракелян все это время молча наблюдал за моими передвижениями по кухне.

– Ладно, я понял, – обронил он совершенно бесцветным голосом. – Тебе так удобнее. Ты без всего этого не можешь,

потому до сих пор и одна...

Это был удар ниже пояса, даже хуже того – оглушительно звонкая пощечина, сразу все расставившая по своим местам.

Итак, мне вынесли очередной диагноз, причем сделано это было в весьма оскорбительной форме. Что же, пусть так. Только то, что прощалось моим подругам, не сойдет с рук людям посторонним, а Аракелян теперь был мною отнесен именно к этой категории.

Кстати, о подругах... Не успела я про них вспомнить, как одна тут же не замедлила явиться.

– Привет, милая. – Наталья переступила порог моей квартиры, поцеловала меня в щеку и, критически осмотрев мой наряд (я все еще продолжала разгуливать завернутой в покрывало), вопросительно подняла брови. – Ты что же, еще не одета? Или у тебя кто-то...

Закончить фразу она не успела, потому как из кухни нарисовался Аракелян, явив присутствующим совершенно безупречный голый торс, так как рубашку он застегнуть не мог по причине отсутствия пуговиц.

– Здравствуйте, – склонил он голову в приветственном кивке и встал для чего-то за моей спиной, словно боялся нападок со стороны моей подруги. – Рад вас видеть.

Опасения его не оправдались, потому что Наталья Николаевна слыла человеком достаточно уравновешенным и крайне воспитанным. Все, что она могла себе позволить в данной ситуации, так это оставить без внимания привет-

ственные речи моего гостя и, заметно побледнев лицом, обратиться ко мне с натянутой улыбкой.

– Дашенька, у меня к тебе есть одна просьба. Я звонила, звонила, ты не отвечала. Мобильный тоже не брала.

– Да, понимаешь... – промямлила я, не зная, что придумать в свое оправдание.

– Конечно же, понимаю, еще бы не понять! – она все же таки не удержалась от язвительного выпада. – Причина более чем... объективная... Ну, да это не мое, собственно, дело. Могу я говорить с тобой?

– Конечно! – обрадовалась я тому, что она так быстро вышла из ступора и сразу перешла к делам. – Говори, конечно!

– Я хочу говорить с тобой наедине, дорогая. – Ее леденящий душу взгляд метнулся за мое плечо и остановился на бедном Аракеляне. – Вы мне это позволите?

Ну ни дать ни взять Снежная королева! Она и одета-то была соответственно. Кстати, Наталья относилась к категории женщин, для которых одежда существовала не для того, чтобы ею прикрываться, а для того, чтобы оттенять имеющиеся у нее достоинства. Ее выкрашенные в пепельно-русый оттенок волосы, свободно спадающие сейчас на плечи, великолепно сочетались с легким костюмом из натурального шелка, цветовая гамма которого металась от прозрачного стального до едва уловимого голубого. Бесцветные босоножки на высоком каблуке, сумка из какого-то немислимого пластика. Довершали картину стильные очки. Их она держа-

ла сейчас в руке, слегка поигрывая дужками.

Впечатление было произведено, и Аракелян растворился в одной из трех комнат. Я даже не успела заметить, в какой именно.

– Что ты хотела, Натуся? – попыталась я подлизаться. Выражение лица подруги не сулило мне ничего хорошего. – Классно выглядишь!

– Не льсти мне, Дашка, – вздохнула она тяжело и, с тоской посмотрев в ту сторону, куда ретировался сконфуженный Аракелян, осуждающе качнула головой. – Зачем тебе это?! Ну, скажи мне!!!

– Наташа, не начинай снова, – вымучила я, стараясь, чтобы голос мой не дрожал, потому что вопрос, заданный ею, меня терзал уже минут десять.

– Господи, какая же ты дурочка! – Наталья так расчувствовалась, что всхлипнула, грациозно тронув переносицу длинными пальцами. – А как же Саша?! Он мне звонил вчера и полчаса рассказывал о том, как у вас все с ним хорошо. Он полон надежд. И он, между прочим, считает тебя порядочной женщиной!.. Он же славный, Даша. И тебе об этом известно не хуже меня. Почему тебя всякий раз тянет ступить в трясину?! Зачем?! В чем смысл твоих поступков? Не девочка же уже!

– Вот потому и делаю, что хочу, знаешь! – голос мой достаточно окреп, потому что не любила бесконечных напоминаний о моем возрасте. Не то чтобы это стало комплексом,

но дважды за последний час – это, простите, уже перебор. – Ты чего хотела? Говори, а то мне некогда. Я на дачу собираюсь поехать. Сама понимаешь, сборы в разгаре.

– А-ааа, понимаю, как же! – Лицо ее от обиды исказилось почти до неузнаваемости. – Может быть, я и зря заехала к тебе, надеясь на помощь? Не открывала бы тогда!

Она круто развернулась к двери. Широкий подол ее юбки взметнулся, заискрившись холодным неоном шелковых нитей. Сейчас Наталья начнет всхлипывать, намеренно долго возиться с замком, ожидая того, что я кинусь извиняться и останавливать ее. Так случилось...

Ну, почему мне сегодня не хочется идти на поводу у чужих желаний? Даже странно... Всегда же оправдывала их, а тут вдруг непонятный, необъяснимый какой-то бунт. Сначала не оправдала надежд Сергея, теперь вот Наталья начала что-то бубнить, не дождавшись моих извинений.

– Ладно, черт с тобой! – Она снова повернулась ко мне с красным от напряжения и злобы лицом. – Трахайся с кем хочешь! В конце концов, что тебе еще остается, ни семьи, ни детей. Можешь подбирать любую дрянь. И в любое другое бы время я бы ни за что... Но сегодня такое дело. Короче, Дарья, меня срочно вызвали в налоговую. Вызвали именно сегодня и именно в половине пятого вечера!

– А что у нас было запланировано сегодня на половину пятого? – Пропустив мимо ушей ее гневные обвинения, я прошлась по прихожей, села на тумбочку под зеркалом и на-

прягла слух.

Это покажется странным, но Аракелян не подавал признаков жизни. Не мог же он спуститься по простыням с четвертого этажа, спасаясь бегством от гнева разъяренных женщин. Скорее всего одно из двух: либо он подслушивает, затаив дыхание. Либо... спит, потому что его расслабленное подремывание я прервала самым варварским, самым бессовестным образом.

– Мне нужно, чтобы ты съездила на железнодорожный вокзал в Ленинском районе, встретила там с Володей и передала ему вот этот пакет, – быстро проговорила Наталья и, расстегнув свою умопомрачительно стильную сумочку, извлекла оттуда сверток размером с буханку «бородинского». Это был даже не сверток, а обычная бандероль в упаковочной бумаге и нескольких сургучных печатях. – Это очень важно для Володи, понимаешь! И нужно именно к пяти. Мы с ним договорились встретиться на платформе и вместе ехать по одному делу, которое, кстати, связано именно с этим... И тут этот звонок! Отказаться или перенести встречу в налоговой – значит навлечь неприятности. Не поехать на встречу с Володей тоже не могу. Мобильный у него второй час молчит. Не могу нигде его достать, чтобы предупредить. Он будет ждать меня, Даш! Поможешь?

Мне оставалось только развести руками. Как не помочь, тем более что просьба-то пустяшная. Ленинский район находился по пути на дачу. Почему бы не заехать на вокзал и не

передать Володе сверток? К тому же не использовать шанс лишний раз увидеться со славным человеком я не могла. Володя меня любил искренне и трепетно, я, между прочим, отвечала ему тем же. А после сегодняшних встрясок моя душа просто жаждала общения с приятным человеком. Поэтому, приняв из рук Натальи бандероль, я буркнула: «Без проблем». Позволила поцеловать себя в щеку, выслушать «на посошок» еще пару пожеланий рекомендательного характера. И лишь когда за ней закрылась дверь, я пошла на поиски Аракеляна.

В гостиной его не было. Лоджия тоже пустовала, и на перилах не красовался живописный узел из связанных простыней. В следующей комнате, где у меня было что-то наподобие спортивного зала и рабочего кабинета одновременно, Аракелян также отсутствовал. Оставалась спальня, дверь в которую почему-то оказалась прикрытой. Потоптавшись с минутой у входа, – мне претило встречаться с ним на этой территории, – я все же вошла.

Конечно же, так и есть! Разметавшись на смятых нами простынях, Сережа спал сном праведника. В его лице не было заметно ни тени тревоги или хотя бы намек на переживания по поводу нашего последнего разговора на кухне. Поражительная безмятежность! Вот у кого, наверное, нервы, будто стальные канаты. Тут всю выворачивает просто наизнанку и от злости, и от огорчения, и – чего уж тут лукавить – от желания дотронуться до него. А он спит!..

– Эй, Аракелян! – громко позвала я и грубо пнула его ногой в колено. – Поднимайся, уезжаем!

Он подскочил как ужаленный. Нет, к моей вящей радости, с нервами у него обстояло не так хорошо. Безумный совершенно взгляд. Руки вцепились в простыню. Грудь высоко вздымается. Дышит так, словно только что закончил маршбросок с полной боевой выкладкой. Уж о чем о чем, а об этом-то я имею прекрасное представление.

– Что?! – сипло выдавил он, заметив мое изумление.

– Ничего. – Открыв встроенный шкаф, которым мастера-краснодеревщики задекорировали мне альков, я вытащила оттуда белье, тонкие летние джинсы и футболку. – Мне пора уходить.

– Почему? – Он слез с кровати, с хрустом потянулся и тут же придвинулся ко мне, начав сразу урчать на ухо: – Ну, Дашка, ну не будь такой букой. Ты нежная, славная, тебе не идет кукситься. Ну, чего ты? Ничего же не произошло! Так, недоразумение какое-то...

– Сережа, давай отложим выяснения всех недоразумений до лучших времен, – попросила я, отгораживаясь от него ворохом одежды. Непосредственная близость грозила нам последствиями, а мне нужно было торопиться на встречу с Володией Волковым. – Мне надо уезжать сейчас, а ты...

– А ты выметайся, стало быть. – Он невесело хохотнул, но рук с моей спины не убрал. – Мне можно с тобой? Конечно же, нет, учитывая тот факт, что встречаешься ты с мужем

своей подруги.

– Ты все слышал? – Мне стало стыдно за Наталью. Но потом, вспомнив, что именно Волков, а не кто-нибудь поспособствовал нашему знакомству, я предложила: – Кстати, ты мог бы поехать со мной. Я еду на встречу с человеком, который тебе не безызвестен. Думаю, что как раз он-то будет рад, что мы вместе...

– Пусть идет к черту! – выругался вдруг Аракелян, отпрянул от меня, словно я предложила ему что-то гадкое. – Этого добряка, которого вы все так уважаете, я глубоко презираю, понятно?

Нет, непонятно, хотелось мне сказать. Но благоразумие сегодня было моим коньком, и я снова промолчала. Пока Сережа стоял ко мне спиной, быстро оделась. Подошла к нему и потянула за рукав растерзанной рубашки.

– С вокзала я еду на дачу. Там поживу какое-то время. Хочу немного отдохнуть, собраться с мыслями. Если тебе неприятно видеться с Володей, ты мог бы подождать меня в машине и потом...

– Я не могу торчать на твоей даче, Даша. У меня есть жизнь, о которой ты ничего не знаешь. Да тебе и не надо о ней знать! – жестко и даже грубо перебил он меня, комкая мое предложение.

Одернул руку и, кое-как сведя полы рубашки, заправил ее в брюки. Тут же зло посмотрев на меня, проговорил:

– Как-то так ненароком у тебя сегодня получилось затро-

нуть то, чего тебе затрагивать совсем необязательно. Или не ненароком, Даша?! Или ты сделала это умышленно?!

Проехавшись пятерней по волосам, качнув головой чему-то неведомому, Сережа едва слышно выругался. Потом уставился на меня и непозволительно долгое время разглядывал. Темные глаза лазером скользили по мне, вызывая одно лишь желание: сделаться величиной со спичечную головку или вовсе исчезнуть куда-нибудь.

Я же ничего такого не сделала! И ровным счетом ничего не понимала! Почему откровенное хамство Натальи подействовало на него усыпляющим образом, а мои вполне невинные заявления и вопросы вызывали такую бурю протеста, подозрения. Странно как-то все...

Я молчала, не зная, что говорить и как вообще реагировать на его, казалось бы, беспричинные вспышки ярости. Тема его прошлого и всего того, что с ней было связано, оказалась на поверку весьма скользкой. Жена там, к примеру... Ее безвременная кончина... Какая-то неведомая мне теперешняя его жизнь... Опять же ладно, все это более или менее понятно: ну не хочет человек, чтобы ему лезли в душу, кто же против. Только при чем тут Володька?! Он его вытащил из тюрьмы, наплевав на профессиональный долг. Сейчас продолжает с ним нянчиться, как с больным ребенком. Меня вон подсунул ему из совершенно благих намерений. И хотя ими известно, что вымощено, упрекнуть Волкова ему не в чем. Я так вовсе не обижалась. О чем я и не преминула

заявить.

Сказано ему об этом было уже в прихожей, где Аракелян, вставив под пятку обувную ложку, натягивал стильные кожаные ботинки.

Боже, что тут опять началось!!!

И ложка полетела куда-то в угол. И кулаками о стену дважды посмел ударить. И орал что-то мало вразумительное. Короче, вел себя, как псих распоследний. Оторопело взирая на все это, я притихла из опасения навлечь приключения и на свою голову. Молчала и наблюдала, наблюдала и молчала, понимая все меньше и меньше.

Буйство прекратилось так же неожиданно, как и началось. Аракелян, тяжело глядя на меня, замолчал и даже сделал попытку извиниться.

– Без проблем, – кротко обронила я, более всего желая остаться в одиночестве.

– Ты просто ничего не знаешь! – заявил он, стоя одной ногой за порогом. – И, дай бог, тебе никогда не узнать! Одно хочу тебе сказать, Даша. Держись от этого благонаправного Волкова подальше. В этой жизни очень мало людей, которых я ненавижу остро и на всю жизнь... Так вот, твой Волков – один из них. Запомни это и впредь будь умнее!

Глава 4

Всю дорогу от моего дома до вокзала, где мне надлежало встретиться с Володией Волковым, я предавалась размышлениям. Тем более что подумать было над чем.

Сложившаяся ситуация, в эпицентре которой я оказалась, мало сказать, не радовала. Она вгоняла меня в панику до такой степени, что становились влажными ладони, сжимавшие руль. В голове все перемешалось и перестало вовсе в ней укладываться.

Как тут было не воспользоваться советом Аракеляня, брошенным им вскользь на прощание. Впредь будь умнее... Надо бы! Да разве получится, когда кругом друзья, доброжелатели да воздыхатели. В ком среди них мне искать мерзавца? Пойди разберись!

Володя, к примеру, мне всячески рекомендовал Сережу, не произнеся ни единого дурного слова в его адрес. Тот же, как раз напротив, едва голову не размозжил о мою стену, всячески проклиная Волкова. Даже настоятельно просил меня держаться от него подальше. А с какой, собственно говоря, стати?! Володю я знаю с момента его знакомства с моей подругой. И ни разу с того самого времени я не могла уличить его в подлости или еще в чем пострашнее. Тогда как с Аракелянem я знакома всего два понедельника. За это короткое время единственное, в чем он мне казался безупречным, так

это секс. Во всем же остальном – недоразумение, а не человек. Сплошные противоречия, недомолвки, подозрения... Оно мне надо?! Нет, однозначно!

Сейчас вот проеду по объездной три квартала, миную пару светофоров, припаркую машину на привокзальной стоянке и пойду искать хорошего человека Володьку Волкова.

Как можно говорить о нем подобное?! Об этом даже думать грех, не то что вслух произносить. Когда Волков ушел из школы, дети к ним домой еще целую четверть бегали, умоляя вернуться. Особо эмоциональные даже слезу пускали, в надежде разжалобить. Дурак он – этот Аракелян! Дурак и есть. Дурак и еще неудачник, который всегда ищет виновного в собственных неудачах, а отыскав, уж отдастся ненависти на полную катушку. Да, наверное, так и обстояли дела. Волков просто-напросто оказался крайним в целой серии неудач, обрушившихся на Аракеяна. С него, получается, и спрос. И посему... Посему мне нужно просто ехать вперед и постараться выбросить весь этот вздор из головы. Чтобы он не точил изнутри червем и не мешал получать удовольствие от намеченного отдыха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.